

ОТ РЕДАКЦИИ

«Семиотика и информатика» — издание с большой традицией и историей. Этот сборник всегда был «элитным» изданием — малотиражным, но хорошо известным в Москве и за ее пределами, и не только среди лингвистов и математиков, которые были основными его авторами. Старые его номера давно стали библиографической редкостью. В настоящем выпуске мы предоставляем нашим читателям возможность совершить экскурсию по давним, причем лингвистическим, страницам «Семиотики и информатики» (до 28 выпуска включительно), перелистать давно опубликованные, но не утратившие актуальности и сегодня статьи, поразмышлять о них снова.

Российская Академия наук Министерство науки и технической
политики Российской Федерации
ВСЕРОССИЙСКИЙ ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ
И ТЕХНИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ

СЕМИОТИКА И ИНФОРМАТИКА

Opera selecta

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

Выпуск 35

SEMIOTICS and INFORMATICS

Issue 35

Издается с 1971 г.

«ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ»

«РУССКИЕ СЛОВАРИ»

Москва 1997

- замену нескольких устаревших терминов, чтобы избежать существенного разнобоя с опубликованным томом «Курса общей морфологии» (так, я заменил «регулярный» на «грамматический»);
- стилистическое редактирование нескольких формулировок;
- небольшие изменения в подаче примеров, призванные облегчить их восприятие.

Кроме того, я хотел бы сделать два библиографических дополнения:

Замысел проекта, набросанного в данной статье, получил свое развитие в следующих книгах:

Mel'čuk, I. *Towards a Language of Linguistics. A System of Formal Notions for Theoretical Morphology*, München: Fink, 1982, 160 pp.

Mel'čuk, I. *Cours de morphologie général, vol. 1: Introduction + Le mot*. Montréal: Les Presses de l'Université de Montréal — Paris: CNRS Éditions, 1993, 412 pp.;

Cours de morphologie général, vol. 2: Significations morphologiques. Montréal: Les Presses de l'Université de Montréal — Paris: CNRS Éditions, 1994, 458 pp.;

Cours de morphologie général, vol. 3: Moyens morphologiques. Syntactiques morphologiques. Montréal: Les Presses de l'Université de Montréal — Paris: CNRS Éditions, 1996, 326 pp.;

Cours de morphologie général, vol. 4: Signes morphologiques. Montréal: Les Presses de l'Université de Montréal — Paris: CNRS Éditions, 1997, 488 pp.

Мельчук, И. Курс общей морфологии. Том 1. М.: Языки русской культуры — Вена: Wiener Slawistischer Almanach, 1997, 401 сс.

Ряд важных морфологических понятий был разработан за истекшие двадцать с лишним лет в следующих статьях автора:

Animacy in Russian Cardinal Numerals and Adjectives as an Inflectional Category, *Language*, 1980, 56: 4, 797-811.

Towards a Definition of Case. In: R. Brecht and J. Levine (eds), *Case in Slavic*, Columbus, Ohio: Slavica, 1986, 35-85.

Les classes nominales en kirundi, *Bulletin de la Société de linguistique de Paris*, 1987, 82: 1, 283-341 (co-auteur: Bakiza, E.).

Where and How to State Some Generalizations in Morphology, In: *Festschrift L'ubomir Durovič zum 65. Geburtstag*, 1990 [= *Wiener Slawistischer Almanach*, 25/26], 299-310.

Subtraction in Natural Language, In: M. Grochowski and D. Weiss (eds), «*Words are Physicians for an Ailing Mind*» [Festschrift A. Bogustawski], 1991, München: Sagner, 279-293.

Towards a Universal Calculus of Inflectional Categories: On Roman Jakobson's Trail, In: L. Waugh and S. Rudy (eds), *New Vistas in Grammar: Invariance and Variation*, 1991, Amsterdam/Philadelphia: Benjamins, 85-109.

The Inflectional Category of Voice: Towards a More Rigorous Definition, In: B. Comrie and M. Polinsky (eds), *Causatives and Transitivity*, 1993, Amsterdam/Philadelphia: Benjamins, 1-46.

Agreement, Government, Congruence. *Linguisticae Investigationes*, 1993, 17: 2, 307-373.

Suppletion: Towards a Logical Analysis of the Concept. *Studies in Language*, 1994, 18: 2, 339-410/

Morphological Processes. In: А. А. Гиппиус, Т. М. Николаева, В. Н. Топоров (ред.), *Русистика. Славистика. Индоевропеистика. Сборник к 60-летию А. А. Зализняка*, 1996, М.: Индрик, 526-563.

А. А. Зализняк, Е. В. Падучева

К ТИПОЛОГИИ ОТНОСИТЕЛЬНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

§ 1. ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

Э. Бенвенист в своей известной статье «Относительное предложение как проблема общего синтаксиса» ([1]) показывает, что во многих языках средства, служащие для оформления относительного предложения, в сущности тождественны тем, которые используются для построения именных групп в составе простого предложения. Этот вывод представляется возможным использовать для дальнейшего изучения типологии относительного предложения.

Как отмечает Бенвенист, одна из основных трудностей типологических исследований состоит в нахождении такого способа описания синтаксических конструкций разных языков, при котором они были бы сопоставимы друг с другом. Метод анализа, применяемый Бенвенистом, указывает один из возможных путей преодоления этой трудности. Он состоит в сопоставлении функций структурно значимых элементов в составе относительного предложения с функциями тех же элементов в составе именных групп более общего вида. В результате этого анализа оказывается, что относительные местоимения следует рассматривать в непосредственной связи с артиклями, указательными местоимениями и другими средствами выражения анафорических связей в предложении.

Один из возможных подходов к типологическому исследованию синтаксических структур можно схематически представить

так. Допустим, изучается некоторый тип предложений. На основании предварительного сопоставления предложений этого типа, например, в европейских языках с их эквивалентами в некоторых других языках выделяются, с определенным огрублением, основные синтаксические функции, которые должны выполняться (какими-то элементами) при построении данного типа предложений.

Если бы в каждом языке каждая функция выражалась каким-то однозначным способом, то предложения данного типа отличались бы друг от друга только планом выражения, а по существу были бы одинаковы. В этом случае задачи синтаксической типологии сводились бы только к установлению для каждого языка подмножества синтаксических функций, которые он выбирает из выделенного общего набора. В действительности, однако, в большинстве случаев одно и то же служебное слово способно выполнять в языке несколько функций; тем самым различие между языками обусловлено не только наличием или отсутствием той или иной функции, но и тем, какие разные функции объединены в них общим материальным выражением¹. Соответственно, в задачи синтаксической типологии входит также выявление разных типов объединения функций — «пучков функций», возникающих в том или ином языке. Иначе говоря, после выделения основных функций должен быть проведен анализ материальных носителей этих функций в разных языках по методу, использованному Бенвенистом.

Ниже делается попытка составить инвентарь синтаксических функций, существенных для структуры так называемых относительных предложений. Материалом исследования служит ограниченное число языков — в основном самые известные. Соответственно, полученный результат не претендует на полную универсальность; для каких-то языков, возможно, окажутся существенными факты, не отраженные в настоящей работе, или окажутся недействительными какие-либо из установленных ограничений. Однако предлагаемая схема может, видимо, служить исходной базой для дальнейших исследований.

¹ При этом с синхронной точки зрения в рассматриваемом языке возможны разные степени единства: а) неразличимость этих функций с точки зрения данного языка; б) полисемия (в рамках одного элемента); в) омонимия (элементов, признаваемых различными). В детальном типологическом исследовании эти различия должны приниматься во внимание; в более общем допустимо от них отвлечься.

В заключительном разделе статьи кратко рассматривается вопрос о том, с какими функциями может совмещаться выполнение функций, существенных для структуры относительных предложений.

§ 2. О ТЕРМИНЕ «ОТНОСИТЕЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ»

Термин «относительное предложение» может употребляться в лингвистических работах как сокращение двух разных более полных терминов: а) относительное придаточное предложение; б) сложноподчиненное предложение с относительным придаточным (ср. аналогичную двойственность, например, таких терминов как «условное предложение», «уступительное предложение» и др.). В настоящей работе мы будем, во избежание недоразумений, употреблять в первом из этих значений только термин «придаточное относительное», оставив название «относительное предложение» для второго значения.

Под относительным придаточным предложением, как известно, понимается придаточное, вводимое не союзом, а союзным словом, т. е. словом, которое совмещает функцию союза (связывание предложений) с функцией члена предложения (а именно, члена придаточного предложения), например: *Вот книга, которую я купил; Вот дом, где мы жили.*

Союзные слова, вводящие придаточное относительное, делятся на относительные местоимения (т. е. слова с синтаксической функцией существительных или прилагательных) и относительные наречия. Предложения с относительным наречием (типа *Вот дом, где мы жили*) представляют собой менее пространственный вариант и могут быть сведены к предложению с относительным местоимением (например, *Вот дом, в котором мы жили*). Ниже мы практически ограничиваемся рассмотрением относительных предложений с местоимением.

Особый тип придаточных относительных составляют предложения, где союзное слово (обычно *что*) соотносится со всем предшествующим предложением: *Он опоздал, что было замечено.* Такие предложения в настоящей статье не рассматриваются.

При типологическом исследовании всегда нужно считаться с возможностью (или даже необходимостью) некоторого расширения круга рассматриваемых грамматических явлений по сравнению с тем, который послужил начальной точкой исследования.

Во-первых, в некоторых языках могут оказаться недостаточно четкими те различия, которые используются в определении интересующего нас понятия. В данном случае таковы, в частности: 1) различие между сложноподчиненным предложением и иными синтаксическими комплексами, а именно сложносочиненным предложением и бессоюзным сложным предложением²; 2) различие между главным и придаточным предложением в составе сложноподчиненного; 3) различие между союзным словом и союзом. В связи с этим естественно привлечь к рассмотрению не только примеры, бесспорно подпадающие под наше первоначальное определение, но также и те, которые допускают двойное истолкование или представляют собой промежуточные явления.

Приведем для иллюстрации два примера. В арабском языке синтаксические комплексы определенного типа могут пониматься и как сложноподчиненное предложение и как последовательность двух независимых предложений³.

(1) *ġā'a fallāḥun yaskunu fī lwādī* 'Пришел (какой-то) крестьянин, который живет в долине' или 'Пришел какой-то крестьянин. Он живет в долине' (буквальный состав — в соответствии со вторым переводом).

В древнерусском языке в структуру сложного предложения определенного типа входят одновременно относительное местоимение и сочинительный союз:

(2) *а что княже брат твои Александръ дѣяль насилие на Новѣгородѣ, а того ся княже отступи*⁴ 'А от насилия, которое брат твой Александр творил в Новгороде, ты, князь, отступи'.

Во-вторых, в некоторых языках мы можем столкнуться с явлением, безусловно близким к рассматриваемому, но все же не предусмотренным в первоначальном определении. В этом случае

² Мы пользуемся здесь той терминологией, в которой «бессоюзное сложное предложение» выступает как название особого типа сложных предложений, отличного и от сложноподчиненных и от сложносочиненных и представляющего собой соположение самостоятельных предложений без каких-либо показателей связи (кроме, быть может, интонации). Заметим, что сложные предложения с относительным придаточным приходится в этом случае особым терминологическим соглашением не считать частным случаем «бессоюзных сложных». Несколько упрощая истинное положение вещей, мы не проводим в настоящей статье различия между бессоюзным сложным предложением и простой последовательностью двух отдельных предложений.

³ См. разбор этой проблемы в [2].

⁴ Здесь и далее орфография древнерусских текстов по типографским сообщениям несколько упрощена.

естественно расширить первоначальное определение. Рассмотрим здесь важнейший для настоящей статьи случай такого рода. В арабской фразе:

(3) *ġā'a lfallāḥāni ḥabāni ra'aytuḥumā bil'amsi* 'Пришли два крестьянина, которых я видел вчера' — связь частей сложного предложения обеспечивается наличием слова *ḥabāni* (из *'allaḥāni*; именит. падеж двойств. числа муж. рода от местоимения *'allaḥī*), которое можно приблизительно передать как «такие-то»⁵. Таким образом, буквальный перевод здесь: «Пришли два-крестьянина такие-то: я-видел-их вчера»⁶. Без (*'a*)*ḥabāni* эта фраза может быть понята только как последовательность двух несвязанных предложений ('Пришли два крестьянина. Я видел их вчера'). Слово (*'a*)*ḥabāni* согласовано (в роде, числе и, что принципиально важно, в падеже) с (*'a*)*lfallāḥāni* «два-крестьянина», следовательно, оно является здесь членом главного предложения — в отличие от слова *которых* в русском переводе, являющегося членом придаточного предложения (чем и определяется его винительный падеж). Таким образом, *'allaḥī* — это союзное слово, используемое в общем так же, как русское *который*, с тем отличием, однако, что оно входит не в придаточное предложение, а в главное⁷. Обычное понимание относительного предложения не предусматривает такой возможности, но очевидно, что допустить ее (и, следовательно, включить арабские фразы в наше рассмотрение) необходимо. Соответственно, мы будем в дальнейшем понимать под относительным предложением любое сложноподчиненное предложение, части которого связаны союзным словом (без ограничений на то, в какую именно часть должно входить это слово).

В-третьих, после выделения типологически важных признаков рассмотренной синтаксической структуры может оказаться, что некоторые комбинации значений этих признаков соответствуют в каких-то языках реальным синтаксическим явлениям,

⁵ В простом предложении (и вообще вне данной конструкции) слово *'allaḥī* не употребляется, поэтому его значение может быть выведено только из данной конструкции.

⁶ Здесь и далее переводы даются только в марровских кавычках (' '), буквальны переводы — в обычных кавычках (« »). Часть буквального перевода, соответствующая единственному слову оригинала, пишется через дефисы.

⁷ Заметим, что по ритмико-интонационному членению союзное слово типа *'allaḥī* может все же примыкать к придаточному, а не к главному. Таким образом, здесь и в дальнейшем, говоря о вхождении слов типа *'allaḥī* в главное предложение, мы будем иметь в виду именно тот факт, что падеж такого слова определяется синтаксической структурой главного, а не придаточного предложения.

которые не входили в первоначальное рассмотрение. Такие явления тоже естественно включить в получаемую классификацию.

В нашем случае в роли таких дополнительно включенных в классификацию явлений оказываются некоторые виды сложносочиненных и бессоюзных предложений (см. об этом § 5). Тем самым, строго говоря, мы получаем классификацию уже не одних лишь относительных предложений, а совокупности, включающей как относительные предложения, так и некоторые частично сходные с ними синтаксические комплексы другого характера. Поскольку, однако, в центре нашего внимания все же остаются именно относительные предложения, мы позволим себе, ограничившись настоящей оговоркой, далее говорить просто о классификации относительных предложений (без обязательно упоминания о том, что она охватывает и некоторые другие синтаксические комплексы).

Отметим специально, что даже в указанном выше расширенном понимании термин «относительное предложение» охватывает все же далеко не все сложноподчиненные предложения с придаточным определительным, а именно, он не охватывает те из них, где подчинение обеспечивается не союзным словом, а другими средствами (союзом, особыми формами каких-либо членов предложения, порядком слов и др.). Краткий обзор сложных предложений такой структуры дается ниже в отдельном параграфе (§ 8); основная часть настоящей статьи посвящена только относительным предложениям.

§ 3. ИСХОДНЫЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АНАЛИЗИРУЕМЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ

В дальнейшем, рассматривая то или иное предложение или тип предложений, мы исходим из того, что нам известны ответы на определенные стандартные вопросы в отношении этого предложения. Для формальной классификации такой ответ всегда должен быть из числа заранее предусмотренных, например: да, нет; случай 1, случай 2 и т. п. Разумеется, в действительности при ответе на эти вопросы возможны большие трудности: см., например, фразы (1), (2) из § 2, соединяющие элементы подчинения с элементами сочинения. Эти трудности могут быть обсуждены в комментариях к примеру, но для классификации бе-

рется наиболее близкий к истине огрубленный ответ; например, фраза (2) рассматривается как сложноподчиненная. В наиболее двусмысленных случаях по отдельности рассматриваются оба возможных решения: тогда одна и та же синтаксическая конструкция может при одном решении попасть в одну рубрику классификации, при другом — в другую.

Основной вопрос такого рода состоит в том, является ли предложение сложноподчиненным, и если да, то где главное и где придаточное предложение. Практически ответ на этот вопрос складывается на основании учета целого ряда признаков, которые мы не можем охарактеризовать формально.

Ни в коей мере не пытаясь дать операционное определение соответствующих понятий, отметим некоторые (далеко не все!) признаки, полезные для ориентировки в данной проблеме (заметьте, что приводимые правила для некоторых частных типов предложений могут и не соблюдаться)⁸.

1) В сложноподчиненном предложении главное предложение обычно может разрываться придаточным (которое оказывается в этом случае внутри главного, например, *Ослов, которых ты взял, верни*), тогда как придаточное разрываться не может; в сложносочиненном предложении неразрывны обе части.

2) Если сложноподчиненное предложение, состоящее из главного Г и придаточного П, входит целиком в качестве придаточного в более крупный комплекс Г'(ГП), где Г' — главное, и если при этом Г' требует от сказуемого подчиненного ему предложения некоторого автоматического изменения (например, постановки в определенном наклонении), то данное изменение происходит со сказуемым предложения Г, но не П. Например: *Он покупает книги (Г), которые ему приносят (П) — Я хочу (Г'), чтобы он покупал книги, которые ему приносят.* В сложносочиненном предложении подобные эффекты распространяются на сказуемые обеих частей.

⁸ Речь идет о принципах, общих если не для всех, то для большинства языков. Следует учитывать, однако, что в конкретном языке обычно существуют, кроме того, свойственные именно данному языку особенности, отличающие сложные и, в частности, сложноподчиненные предложения от последовательности простых предложений. Будучи индивидуальными для данного языка, они могут быть в то же время общими, например, для всех типов сложноподчиненных предложений, а это позволяет, опираясь на бесспорные случаи, судить о более трудных. Чаще всего такие особенности касаются порядка слов и просодических явлений (например, в немецком языке во всех придаточных предложениях представлен особый порядок слов; в ведийском личные формы глагола в простом и главном предложении безударны, а в придаточном имеют ударение).

3) С точки зрения смысла сокращение («свертывание») комплексов типа Г'(ГП) до Г'Г (*Я хочу, чтобы он покупал книги*) представляет собой обеднение прежнего сообщения, но не сообщения о чем-то другом, тогда как переход (с требуемыми сопутствующими изменениями) от Г'(ГП) к Г'П дал бы новое сообщение (*Я хочу, чтобы ему приносили [книги]*). Ср. свертывание *цвет крыши дома* ⇒ *цвет крыши* (но не *цвет дома*).

При рассмотрении местоимений, принимающих участие в построении относительных предложений, предполагается известной их принадлежность к одной из следующих двух групп: а) подчинительные, б) синтаксически нейтральные. Дать полное формальное определение этих понятий мы не можем (как и для понятий главного и придаточного предложений); поэтому ограничимся содержательными пояснениями и указанием лишь некоторых формальных признаков этих двух групп местоимений.

С содержательной точки зрения, различие состоит здесь в следующем: подчинительное местоимение само по себе служит средством синтаксической (а не только смысловой) связи между предложениями, тогда как синтаксически нейтральное местоимение само по себе таким средством не служит (хотя может связывать предложения по смыслу). В простых случаях (которых большинство) это содержательное различие внешне проявляется так. Предложение (одно из двух, образующих сложноподчиненное), где имеется подчинительное местоимение, не может выступать в качестве самостоятельного утвердительно-высказывания. Например, простое предложение *Кто пришел?* (ср. *Позови того, кто пришел*) возможно только в качестве вопроса; простые предложения с арабским 'alladī вообще невозможны. Напротив, предложение, где имеется синтаксически нейтральное местоимение (а подчинительного нет), как правило, способно без каких-либо изменений (кроме, может быть, интонации) выступать в качестве самостоятельного утвердительно-высказывания. Примеры: *Vom ta книга* (ср. *Vom ta книга, которую я купил*); араб. *ga'ayutuhumā bil'amsī* 'Я видел их (двоих) вчера' (-humā «их-двоих»), ср. пример (3).

Трудные случаи могут возникать в тех языках, где придаточные предложения отличаются от простых какими-то общими грамматическими признаками, например, особым порядком слов, наклоном сказуемого и т. п. Здесь для установления подчинительного или синтаксически нейтрального характера местоимения могут потребоваться дополнительные приемы анализа, которые трудно описать формально. Случай такого рода

составляет, например, нем. *der*. Возьмем фразу *Hier ist ein Mann, der aus dem Dorfe gekommen ist* 'Вот человек, который пришел из деревни'. Часть *der aus dem Dorfe gekommen ist* не может выступать в качестве самостоятельного высказывания; однако возможно предложение *Der ist aus dem Dorfe gekommen* 'Он (тот) пришел из деревни'. Разница в порядке слов здесь вытекает просто из действующих в немецком языке общих правил расстановки слов соответственно в простом и в придаточном предложении. Таким образом, если исходить лишь из этого примера, мы вполне можем считать, что подчинение обеспечивается здесь только порядком слов, а характер местоимения при превращении простого предложения в придаточное не изменился, иначе говоря, что *der* синтаксически нейтрально. Чтобы убедиться, что это не так, нужно рассмотреть, например, такую фразу, как *Hier ist ein Mann, dem Sie vertrauen können* 'Вот человек, которому вы можете доверять'; ср. простое предложение *Sie können dem vertrauen* 'Вы можете ему доверять'. Здесь при превращении простого предложения в придаточное слово *dem* перешло на первое место, т. е. в точку стыка главного и придаточного предложений. Это место закреплено в немецком языке за средствами связи между предложениями (союзами или союзными словами); ср. синонимичную фразу с бесспорно подчинительным местоимением *welcher*: *Hier ist ein Mann, welchem Sie vertrauen können*. С другой стороны, с местоимениями *er* или *dieser*, которые бесспорно являются синтаксически нейтральными, подобная конструкция невозможна: нельзя сказать **Hier ist ein Mann, ihm (или diesem) Sie vertrauen können*. Таким образом, в немецком языке имеется подчинительное местоимение *der* 'который', не тождественное (с синхронической точки зрения) синтаксически нейтральному местоимению *der* 'тот, он' (не говоря уже о безударном *der* — определенном артикле).

Из этого примера видно, в частности, что подчинительный или синтаксически нейтральный характер местоимения устанавливается не «локально», т. е. не для данной фразы, а по крайней мере для определенного типа фраз в целом. Ср. другой подобный пример: подчинительный характер англ. *that* легко выявляется во фразах типа *Here is the boy that I met*, *Here are the vegetables that are good for you* (самостоятельные предложения **That I met*, **That are good for you* невозможны), но не очевиден во фразе *Here is the soup that is good for you* (ср. *That is good for you* 'Это вам полезно').

Подчинительное местоимение, входящее в состав придаточного предложения, мы будем, в соответствии с традицией, называть относительным. Примеры: русск. *который, какой, каковой, кто, что*, лат. *qui, quis, quid*, нем. *der* и т. д.

Подчинительное местоимение, входящее в состав главного предложения, мы будем называть вводящим. Пример: араб. 'alladī. (Относительные местоимения «относят» придаточное предложение к определенному слову в главном, а вводящие «вводят» придаточное в главное.)

В качестве синтаксически нейтральных в относительных предложениях обычно выступают анафорические (т. е. указательные и личные) местоимения, например: русск. *тот, этот, такой, он, то*, лат. *is, hic, ille* и т. д.; возможны, однако, и другие типы местоимений, например: *какой-то, всякий, нечто, все* и др.

Замечание. Для некоторых типов языков (в частности, для семитских) признается существование так называемых «скрытых» личных местоимений, т. е. местоимений, включенных в глагольную словоформу (хотя и не представленных в ее морфологическом составе специфически местоименными морфемами); см. § 6, пример (37). Признание «скрытых» местоимений позволяет более единообразно описать ряд синтаксических явлений этих языков (в том числе явлений, связанных с относительным предложением).

В составе конкретной фразы местоимение может выступать в адъективном употреблении (т. е. добавляться к имени объекта, например: *Этот человек пришел; Какую рыбу вы хотите?*) или в субстантивном употреблении (т. е. заменять имя объекта, например: *Он пришел; Вот рыба, которую купили; Бери то, что дают*). Большинство рассматриваемых в настоящей работе местоимений (любого типа, например, русск. *тот, этот, такой, какой, каковой, который*) допускает оба употребления. Меньшая их часть допускает только одно употребление (обычно только субстантивное, ср. русск. *он, кто, что*). В дальнейшем для краткости может быть сказано «субстантивное местоимение», «адъективное местоимение»; это следует везде понимать как местоимение, выступающее в рассматриваемом контексте в таком употреблении.

§ 4. ИСЧИСЛЕНИЕ ОТНОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Ниже строится исчисление синтаксических структур относительных предложений (а также некоторых родственных им синтаксических комплексов, см. § 2).

Мы исходим из того, что относительное предложение получается в результате серии преобразований его глубинной структуры⁹. В глубинной структуре различаются 1-ое исходное предложение и 2-ое исходное предложение. Связь между 1-ым и 2-ым предложениями — типа соединительной. В 1-ом предложении выделено существительное (или, в общем случае, именная группа) C_1 , для которого во 2-ом имеется «дублер» C_2 , т. е. существительное (или именная группа), которое входит в анафорическую связь с существительным или именной группой из первого предложения¹⁰. Содержание анафорической связи — либо тождество объектов, обозначаемых именными группами, либо лексическое тождество самих именных групп. Пример глубинной структуры (он будет использоваться и в дальнейшем): 1-ое исходное предложение *Осел (C_1) убежал*, 2-ое исходное предложение *Осла (C_2) мы любили*.

1-ое исходное предложение интерпретируется как глубинная структура линейно первого предложения (в составе получаемого сложного предложения), 2-ое исходное предложение — как глубинная структура линейно второго. В том случае, если в результате преобразований получится сложноподчиненное предложение и если при порождении не применено преобразование IV («инверсия подчинения»), то 1-ое предложение будет главным, 2-ое придаточным.

Используемая глубинная структура не задает некоторых деталей смысла получаемых из нее предложений. Например, она не отражает деления определительных предложений на ограничительные и описательные и др. Для языков, не имеющих артиклей, не учитывается также различие между определенными и неопределенными именами; но для языков с артиклями предпо-

⁹ О построении сложных предложений путем последовательных преобразований соответствующих простых предложений см., в частности, [3], [4, с. 174-175], [5, с. 33-41].

¹⁰ Как уже отмечено в § 2, фразы типа *Он опоздал, что было замечено* (где характер анафорической связи иной) в настоящей работе не рассматриваются.

лагается, что определенность или неопределенность C_1 и C_2 в глубинной структуре указана.

Преобразования рассматриваются как способ описания синтаксической структуры получаемых предложений, а не как трансформации, сохраняющие смысл. Обратим внимание, с этой точки зрения, на преобразование «инверсия подчинения», которое по существу означает переход от смыслов, передаваемых, например, фразами *Убежал осел, которого мы любили, Он принес те книги, которые мы купили*, к смыслам, передаваемым фразами *Мы любили осла, который убежал, Мы купили те книги, которые он принес* (здесь нет необходимости выяснять, в чем именно состоит подобное изменение смысла, тем более, что оно может быть различным в разных фразах).

Ниже приводится перечень преобразований (каждому преобразованию дано условное обозначение, чтобы сделать последующие ссылки непосредственно понятными).

I. Преобразования в 1-ом исходном предложении:

1) Добавление адъективного местоимения к C_1 , например: *осел убежал* \Rightarrow *тот осел убежал*; *осел убежал* \Rightarrow *какой осел убежал*. Обозначение: ТОТ (если местоимение синтаксически нейтральное), M_1 подч. (если местоимение подчинительное).

2) Замена C_1 на субстантивное местоимение, например: *взяли предмет* \Rightarrow *взяли то*; *предмет лежит* \Rightarrow *что лежит*; *человек пришел* \Rightarrow *тот пришел*; *человек спит* \Rightarrow *некто спит*. Обозначение: ТО (если местоимение синтаксически нейтральное), ЧТО (если местоимение подчинительное).

3) Уничтожение C_1 (без какой-либо замены), например: *осел убежал* \Rightarrow *убежал*; *взяли предмет* \Rightarrow *взяли*. Обозначение: эллипсис-1.

II. Преобразования по 2-ом исходном предложении:

1) Добавление адъективного местоимения к C_2 , например: *осла мы любили* \Rightarrow *этого осла мы любили*; *осла мы любили* \Rightarrow *какового осла мы любили*. Обозначение: ЭТОТ (если местоимение синтаксически нейтральное), КАКОВОЙ (если местоимение подчинительное).

2) Замена C_2 на субстантивное местоимение, например: *осла мы любили* \Rightarrow *его мы любили*; *осла мы любили* \Rightarrow *которого мы любили*. Обозначение: ОН (если местоимение синтаксически нейтральное), КОТОРЫЙ (если местоимение подчинительное).

3) Уничтожение C_2 (без какой-либо замены), например: *осла мы любили* \Rightarrow *мы любили*. Обозначение: эллипсис-2.

III. Добавление сочинительного союза (или частицы). Обозначение: *соч. союз*.

IV. Инверсия подчинения: интерпретация 1-го предложения как главного, а 2-го как придаточного меняется на противоположную. Обозначение: *инверсия подчинения*.

Любое преобразование из этого списка является факультативным, т. е. может и не применяться. Предполагается, однако, что для конкретной фразы каждое преобразование используется не более одного раза и из групп I и II берется не более, чем по одному преобразованию.

Для того, чтобы получилось относительное предложение, нужно применить хотя бы одно преобразование, вводящее подчинительное местоимение (т. е. M_1 подч., ЧТО, КАКОВОЙ или КОТОРЫЙ). Если ни одно из этих преобразований не применялось, получится не сложноподчиненное предложение, а сложносочиненное или бессоюзное.

В реальных языках при построении относительных предложений возможны также некоторые дополнительные изменения, которых данное исчисление не отражает. Чаще всего они касаются наклонения сказуемого придаточного предложения, порядка слов и интонации (или других просодических характеристик). Как правило, эти изменения не являются специфическими для данного типа сложных предложений, а характеризуют более широкий класс синтаксических комплексов, например, все сложноподчиненные предложения. При построении относительных предложений такие явления лишь сопутствуют более специфическим изменениям, отраженным в исчислении. О случаях, когда эти явления оказываются единственным средством, обеспечивающим синтаксическую связь предложений, см. § 8.

Специально отметим, что в настоящей классификации не принимаются во внимание перестановки слов внутри каждого из двух предложений. В сложноподчиненном предложении не учитывается также возможный перенос по другую сторону от придаточного любой части главного предложения, кроме имени, входящего в анафорическую связь (т. е. C_1 или C_2), или заменяющего его местоимения¹¹. Таким образом, например, разли-

¹¹ В том случае, когда в главном предложении при элементе C имеется альтернативное местоимение M , придаточное предложение может оказаться между M и C , например: *Это написано в той, что ты любишь, книге*. С интересующих нас точек зрения сложные предложения этого типа ведут себя как такие, где главное предшествует придаточному; именно так они и рассматриваются ниже.

чие между *Верни ослов, которых ты взял* и *Ослов, которых ты взял, верни* для характеристики типа относительного предложения несущественно, поскольку оно не затрагивает взаимного расположения придаточного и элемента *С* в главном предложении (*ослов*). Соответственно, разорванное главное предложение *Ослов ... верни* рассматривается в настоящей работе как предшествующее своему придаточному; ср., с другой стороны, пример (17) в § 6, где разорванное главное предложение равносильно такому, которое следует за своим придаточным.

Приведенное исчисление служит средством классификации относительных предложений: классификационной характеристикой такого предложения является набор преобразований, участвовавших в получении данного предложения из его глубинной структуры (иначе говоря, способ его порождения данным исчислением). Типологическая характеристика языка с интересующей нас точки зрения состоит в указании типа (или типов) относительных предложений, господствующих в данном языке.

§ 5. ОБЩИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ СТРУКТУРЫ ОТНОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Данное исчисление порождает некоторую совокупность теоретически возможных структурных моделей относительного предложения. Разумеется, оно еще ничего не сообщает о том, какие из них фактически встречаются и с какой относительной частотой. Ниже рассматриваются те модели, которые реально представлены в языках мира. Выделяются основные типы относительных предложений и указываются важнейшие общие закономерности их структуры.

Прежде всего, все относительные предложения, порождаемые данным исчислением, могут быть разделены на два класса: а) основной — сложные предложения, где хотя бы один член пары C_1 — C_2 сохранен; б) особый, так называемый бес-субстантивный — сложные предложения, где и C_1 , и C_2 подверглись устранению (т. е. заменены местоимениями или просто уничтожены). Примеры предложений основного класса: *Вот дом (C_1), в котором мы жили; Беру у тебя осла (C_1), какового осла (C_2) обещаю вернуть*. Примеры предложений бес-субстантивного класса: *Я не знаю того, о ком вы говорите; Что посеешь, то и пожнешь; Бери, что понравится*.

Относительное предложение основного класса может быть построено из любой глубинной структуры описанного в § 4 вида. Предложение буссубстантивного класса может быть построено только в том частном случае, когда в глубинной структуре в качестве C_1 и C_2 выступают слова со столь обобщенным значением (*предмет, человек, место, время, способ* и т. д.), что существуют особые субстантивные местоимения (или местоименные наречия), равнозначные сочетаниям таких слов с различными адъективными местоимениями, например: *тот предмет — то; какой человек — кто; некоторый человек — некто; в том месте — там; во всякое время — всегда* и т. д.¹²

Рассмотрим относительные предложения основного класса.

Важнейшая закономерность структуры относительных предложений основного класса такова: C_1 практически всегда сохраняется, напротив, C_2 в большинстве случаев устраняется.

Устранение C_1 встречается в основном классе относительных предложений чрезвычайно редко — лишь в качестве стилистического приема; см. § 6, примеры (14), (15), (31)-(33). C_2 сохраняется только в случае преобразования П.1, которое применяется очень редко; полное отсутствие преобразований группы П, т. е. сохранение 2-го исходного предложений без каких-либо изменений, практически не встречается.

С содержательной точки зрения эта закономерность (сохранение C_1 и устранение C_2) означает следующий примечательный факт: выбор того, какой из двух анафорически связанных элементов сохранить, а какой заменить местоимением, не зависит от противопоставления «главное — придаточное» (поскольку встречаются оба возможных порядка главного и придаточного), а определяется только линейным порядком предложений¹³. Повидимому, это объясняется просто общим принципом анафории: нормой является анафорическая отсылка к предшествующему, а не к последующему упоминанию объекта¹⁴.

¹² Для краткости мы не будем далее рассматривать предложения с местоименными наречиями (а также предложения с *каков — таков, сколько — столько*, которые являются результатом свертывания фраз с сочетаниями *каково качества — такого качества, какое количество — такое количество*). Для выяснения принципиальных моментов достаточно фраз с собственно местоимениями.

¹³ Именно с этим обстоятельством связано то, что в избранном нами представлении глубинных структур фиксирован (и в дальнейшем не меняется) линейный порядок предложений, тогда как отношение подчинения может меняться.

¹⁴ Отсылка к последующему упоминанию (например, в англ. *When he comes to London John visits his aunt*) является очень редким исключением.

Подавляющее большинство относительных предложений основного класса (во всей совокупности обследованных языков) принадлежит к очень небольшому числу моделей, порождаемому всего тремя преобразованиями: I.1 (факультативно); II.2; IV (факультативно).

Вспользуемся примером глубинной структуры, данным в § 4. Обозначим через M_1 и M_2 местоимения, выступающие в соответствующих предложениях. Тогда основная схема сложного предложения с относительным компонентом может быть представлена так (порядок слов внутри каждого из предложений несуществен):

1-ое предложение	2-ое предложение
убежал осел M_1 (адекватное)	M_2 (субстантивное) мы любили

У этой схемы два варианта:

А. 1-ое предложение — главное, 2-ое — придаточное.

Б. 1-ое предложение — придаточное, 2-ое — главное.

Далее, местоимения M_1 и M_2 могут быть синтаксически нейтральными или подчинительными. Если они оба синтаксически нейтральны, получается простое соположение предложений, поскольку никаких показателей связи в этом случае нет: *Этот осел убежал, мы его любили*. Таким образом, при рассмотрении сложноподчиненных предложений этот случай исключается. Случай, когда M_1 и M_2 — оба подчиняющие, реально не встречается; это легко объяснить тем, что в двойном выражении одной и той же связи нет необходимости. Тем самым остаются только те два случая, когда одно местоимение — подчиняющее, а другое — синтаксически нейтральное.

С учетом вариантов А и Б получаются следующие четыре модели:

	1-ое предложение	M_1 синтаксически	2-ое предложение	M_2
A1	главное	нейтральное	придаточное	подчинительное
A2	главное	M_1 подчинительное	придаточное	M_2 синтаксически нейтральное
B1	придаточное	M_1 синтаксически нейтральное	главное	M_2 подчинительное
B2	придаточное	M_1 подчинительное	главное	M_2 синтаксически нейтральное

Исходя из этой таблицы, можно ожидать, что синтаксически нейтральное адекватное местоимение M_1 (в А1 и Б1) окажется факультативным, поскольку связь предложений осуществляется здесь подчинительным местоимением M_2 . В то же время синтаксически нейтральное субстантивное местоимение M_2 (в А2 и Б2) должно присутствовать обязательно (хотя оно и не требуется для связи предложений), поскольку если его опустить, то останется необозначенной синтаксическая роль (а именно — падеж) глубинного C_2 во 2-ом исходном предложении.

Из этих четырех теоретически возможных моделей реально засвидетельствованы в конкретных языках три (нет только модели Б1). В модели А1 адекватное местоимение M_1 действительно факультативно; в прочих случаях местоимения обязательны (если не считать редких случаев эллипсиса).

Модель А1 представлена исключительно широко, в частности, почти во всех индоевропейских языках. Модель А2 характерна для семитских языков. Модель Б2 является основной, в частности, для древнеиндийского, авестийского, хеттского, древнерусского (но не старославянского!); в русской диалектной речи и в просторечии она существует и в настоящее время. В ряде языков, например, в латыни и греческом, эта модель встречается, но не имеет широкого распространения.

Эти три модели демонстрируются следующими фразами-формулами (для Б2 взято русское просторечие, для А2 — арабский в русской передаче, но с сохранением «ключевого слова» 'allaḏī; в модели А1 факультативное слово *тот* дано в квадратных скобках):

А1. Убежал [*тот*] осел, которого мы любили.

А2. Убежал осел 'allaḏī («такой-что»), мы его любили.

Б2. Который осел убежал, того мы любили.

В одном и том же языке могут быть представлены одновременно две из этих моделей, в редких случаях — даже все три. Чаще всего сосуществуют модели А1 и Б2. Связь этих двух моделей объясняется следующим. Из-за преобразования «инверсия подчинения» между ними возникает та разница смыслов, о которой говорилось выше, в § 4; ее можно упрощенно обозначить так: во фразе А1 говорится о бегстве, во фразе Б2 — о любви. Если же мы захотим сказать об одном и том же, например, в обоих случаях о бегстве, то для языка с моделью Б2 нужно

иметь обратный порядок предложений в глубинной структуре. Тогда получится:

- A1. Убежал [тот] осел, которого мы любили.
 B2. Которого осла мы любили, тот убежал.

При таком представлении видно, что разница здесь в значительной мере сводится к тому, о чем говорится раньше и о чем позже. То, что слово *осел* в одном случае оказывается в главном предложении, а в другом — в придаточном, определяется, как уже показано выше, не синтаксическими отношениями, а универсальным принципом, требующим сохранения такого слова в линейно первом предложении. Таким образом, понятно, что если в языке строго фиксировано положение придаточного по отношению к главному, то в нем представлена только одна из моделей A1 и B2 (например, только A1 в западноевропейских языках, только B2 в хеттском). Если же допускаются оба возможных порядка, то эти модели могут сосуществовать. Например, в древнеиндийском и в древнерусском господствует модель B2, но в тех более редких случаях, когда в этих языках придаточное стоит позади главного, представлена модель A1.

Каждая из трех описанных моделей является основным представителем целой группы моделей. Определяющим свойством группы моделей с основной моделью A1 является наличие подчинительного местоимения во 2-ом предложении. Для группы с основными моделями A2 и B2 таким свойством является наличие местоимения в 1-ом предложении (с инверсией подчинения в случае B2, без такой инверсии — в случае A2).

Соответственно, выделяются три типа относительных предложений; мы будем обозначать их следующими условными названиями: классический тип (основная модель A1), архаический (основная модель B2), и семитский (основная модель A2).

Разумеется, порождаемыми нашим исчислением сложные предложения, где вообще нет подчинительного местоимения (т. е. сложносочиненные и бессоюзные), не входят ни в один из этих трех типов.

Об относительных предложениях бессубстантивного класса см. § 7. О сложноподчиненных предложениях с придаточными определительными иной структуры (не относительными) см. § 8.

Приводимая ниже таблица показывает отличительные признаки основных типов относительных предложений (в скобках

указаны номера примеров, относящихся к соответствующему типу).

		M_2 подчинительное	M_2 синтаксически нейтральное или отсутствует
M_1 подчинительное	С инверсией подчинения	нет	Архаический тип: (2), (16)-(33), (41), (42), (53)-(60), (67)-(71)
	Без инверсии подчинения		Семитский тип: (3), (34)-(39), (61), (62), (72), (73)
M_1 синтаксически нейтральное или отсутствует	Без инверсии подчинения	Классический тип: (4)-(15), (48)-(52), (63)-(66)	Отсутствие подчинения: (43)-(47)

§ 6. ПРИМЕРЫ ОТНОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ОСНОВНОГО КЛАССА

Ниже приводятся примеры относительных предложений основного класса (а также ряда других синтаксических комплексов, порождаемых данным выше исчислением). Они распределены по типам и моделям. Для каждой модели указывается (в угловых скобках) характеризующий ее набор преобразований. В ряде случаев отмечаются варианты структуры в рамках одной модели, представляющие по тем или иным причинам типологический интерес. В частности, могут быть по отдельности продемонстрированы обычные (содержащие глагол) и безглагольные придаточные, варианты с определенным и с неопределенным S_1 , с особым порядком слов и др.

Классический тип

<КОТОРЫЙ>

- (4) Убежал осел, которого мы любили.
 (5) франц. *Voici le livre que vous m'avez donné.*
 (6) нем. *Rufe den Mann, der gekommen ist.*

Для большого числа языков, в частности, для современных европейских и классических (латинского и греческого), эта модель является основной. В языках с артиклями в этой модели при S_1 практически чаще встречается определенный артикль, но вполне возможен и неопределенный, ср. франц. *Voici un livre qui a fait beaucoup de bruit* и т. п.

В русском языке к этой же основной модели относятся фразы типа:

(7) *Дойдите до киоска, что стоит на углу.*

(8) *Приходил Иван, что без руки.*

(9) *Вот домá, что недавно построили.*

Употребления *что* в такой роли (т. е. вместо *который*) строго ограничено именительным и винительным падежами. Заметим, что это может создать ложное восприятие такого *что* как несклоняемого слова (или даже как союза), тогда как в действительности оно просто не употребляется в падежах, где внешнее выражение не такое, как в исходной форме.

<ТОТ, КОТОРЫЙ>

(10) *Убежал тот осел, которого мы любили.*

Эта модель тоже широко распространена; при этом, однако, в языках с артиклями она используется реже, чем в языках без артиклей, поскольку в случае определенности обычно достаточно артикля, см. примеры (5), (6).

Пример с придаточным, стоящим между M_2 и S_2 (см. сноску 11):

(11) *Это написано в той, что ты любишь, книге.*

Такая структура встречается сравнительно редко, преимущественно во фразах с коротким придаточным; ср., например, лат. *is, quem dico, Decius...* 'этот Деций, о котором я говорю...'

<КАКОВОЙ>

(12) *Беру у тебя осла, какового осла обещаю вернуть.*

(13) лат. *In castris Helvetiorum tabulae repertae sunt... quibus in tabulis nominatim ratio confecta erat...* (Цезарь) 'В лагере гельветов были найдены таблички, в каковых табличках были поименно перечислены...'

Эта модель, по-видимому, приспособлена только для передачи описательных (не ограничительных) определений; по этой

причине здесь не встречается преобразование ТОТ. С синтаксической точки зрения данная конструкция представляет собой в сущности переходное явление между подчинением и сочинением¹⁵; например, здесь практически невозможно вклинивание 2-го предложения в 1-ое. В латинских грамматиках *qui* в такой конструкции обычно описывается как эквивалент сочетания *et is* 'и этот'.

Приведем также примеры аномальных относительных предложений классического типа, где нарушено правило о сохранении S_1 (см. § 5).

<ТО, КАКОВОЙ>

(14) лат. ... *illo iugulet, quem non bene tradidit ensem* (Овидий) 'Пусть заколет тем мечом, который он не к добру передал', букв.: «Тем пусть-заколет, который нехорошо он-передал меч».

(15) лат. ... *ut ea ipsa mihi nota essent, quibus me nunc exemplis uti videtis* (Цицерон) 'Чтобы мне были известны те самые примеры, которыми, как вы видите, я сейчас пользуюсь', букв.: «Чтобы те самые мне известны были, которыми меня сейчас примерами пользоваться (= пользующегося) видите».

В этих примерах существительное, с которым анафорически связано местоимение «тот», стоит справа от него. Подобная конструкция встречается чрезвычайно редко; см. пояснения после примера (33).

АРХАИЧЕСКИЙ ТИП

< M_1 подч., ОН, инверсия подчинения>

(16) русск. простореч. и диалектн. *Которых ребят увидишь, тем передай привет.*

(17) русский язык XVII века *И видя царь тѣхъ людей злой умысль, которыхъ они бояръ у него спрашивали, велѣлъ имъ со-*

¹⁵ Ср. утверждение Куайна о том, что сложные предложения с описательными определениями представляют собой «стилистическую разновидность сложносочиненного предложения»; см. [6, с. 110].

хранится у царицы и у царевень 'Царь же, видя злой умысел тех людей, велел боярам, которых они у него просили [для расправы], укрыться у царицы и царевень'.

(18) лат. *Neque enim metuo, ne hoc cuiquam persuadeatur, ut, ad quod facinus nemo praeter te ulla pecunia adduci potuerit, id tu gratis suscipere conatus sis* (Цицерон) 'И я не боюсь, что кому-нибудь покажется, будто то преступление, на которое никто, кроме тебя, не мог бы быть склонён никакими деньгами, ты взялся совершить задаром', букв.: «... на которое преступление никто ... склонён не мог бы быть, то ты задаром совершить взялся».

(19) др.-инд. *Āgne, yām yajñām ... paribhūr āsi, sā id devēsu gachati* (Ригведа) 'Жертва, которую ты, о Агни (т. е. огонь), охватываешь кругом, идет к богам', букв.: «Агни, которую жертву охватываешь ты, та (она) именно к-богам идет».

Пример с безглагольным придаточным:

(20) др.-инд. *Sudighā yā gauṣ, tām na vinayanti* 'Корову, которая хорошо доится, не наказывают', букв.: «Хорошолодная которая корова, ту не наказывают».

Пример с редкой для архаического типа постановкой M_1 после C_1 :

(21) др.-инд. *sōmatī yām brahmāṇo vidūr, nā tāsyācṇāti kaccanā* (Ригведа) '[От] Сомы, которого знают брахманы, не вкушает никто', букв.: «Сому которого брахманы знают» + *na* («не», «неверно, что») + *tasya* (родит. падеж: «его», «от него») + «вкушает кто-либо».

< M_1 подч., ЭТОТ, инверсия подчинения >

(22) др.-инд. (Ригведа) *yé te pánthāh, Savitah, pūrvyāsah, agraṇāvah sūktā antārikṣe, tébhīr no adyā pathibhiḥ ... rákṣā* 'О Савитар, [идя] своими древними беспыльными прекрасными небесными путями, сегодня нас защищай', букв. «Которые пути, Савитар, древние, беспыльные, хорошоположенные в-небе, теми нас сегодня путями [идя] защищай»; придаточное безглагольное.

< M_1 подч., эллипсис-2, инверсия подчинения >

(23) русск. простореч. и диалектн. *Которые деньги останутся, положи в кошелек.*

(24) лат. *Quae tamen ex illis aliquo pars umida suco et terrena fuit, versa est in corporis usum* (Овидий) 'А та их (камней) составная часть, которая была влажной от какого-нибудь сока и землистой, пошла для использования в качестве тела', букв.: «Которая же их часть ... влажной и землистой была, пошла...».

(25) греч. *En hō gār krimati krinete, krithēsesthe* 'Ибо каким судом судите, будете судимы'.

< M_1 подч., ОН, соч. союз, инверсия подчинения >

(26) др.-рус. *а которых трее дворць въпросили ваша братья послы, а тѣхъ ся есмы отступили по своей воли* 'Три двора, которые просили ваши послы, мы уступили по своей воле', букв.: «А которых трех дворов запросили ваши соотечественники послы, а [от] тех мы отступились по своей воле».

Пример с безглагольным придаточным:

(27) др.-рус. *а что золото княгини моее Оленино, а то есмь даль дщери моеи Фетиньи* 'Золото княгини моей Алены я отдал дочери моей Фетинье'. Слово *что* выступает здесь в адъективной функции; ср. также (2) и (30). Как известно, современное русское *что* во фразах типа (7)-(9) является реликтом именно такого древнерусского *что* (с точностью до различия между архаическим и классическим типами).

(28) хетт. *ki-kan tuppi kuiš DUB.ŠAR-aš halzai n-an 4UTU-uš pahšataru* 'Бог солнца да охранит того писца, который читает эту табличку', букв.: «Эту табличку который писец читает, а¹⁶ его бог-солнца да-охранит».

Пример с безглагольным придаточным:

(29) хетт. *ni-kuiš tān pedaš DUMU ni LUGAL-uš apāš kišaru* 'Пусть станет царем сын второго ранга (от наложницы)', букв.: «А который второго ранга сын, а царь он да-станет».

< M_1 подч., ЭТОТ, соч. союз, инверсия подчинения >

(30) русский язык XVI века *А что человекъ мой Истомка Суворовъ сынъ Граборуковъ бѣгаетъ, и тотъ человекъ женѣ моей Соломанидѣ, а которые мои иные люди, и тѣхъ всѣхъ людей отпустить на слободу, а женѣ моей и сыну до нихъ дѣла нѣтъ* 'Мой человек Истомка Суворов сын Граборуков, который

¹⁶ Хеттское *ни* (n-) передано в буквальном переводе как «а» по образцу древнерусского языка, ср. выше; вообще др.-рус. *а* и хетт. *ни*, по-видимому, типологически очень близки.

в бегах, [достается] жене моей Соломаниде, а всех прочих моих людей отпустить на свободу; жеңе же моей и сыну до них дела нет'. Первое придаточное вводится адъективным *что*, ср. выше (27). Второе придаточное безглагольное.

Модели с сочинительным союзом [примеры (26)-(30)] могут быть отнесены к числу сложноподчиненных предложений лишь в силу некоторого упрощения (ср. § 3). В действительности мы имеем здесь дело с явлением, переходным между сочинением и подчинением. В древнерусском эти модели, кроме того, очень слабо отграничены от сложных предложений, выражающих условие (например: *а едещи по корову, а вези три гривнь* 'Если едешь за коровой, то вези три гривны'); ср. фразу (58), которую можно истолковать и как относительную, и как условную.

Как и в классическом типе, возможны также аномальные предложения, где устранено C_1 (тогда как C_2 сохранено):

<ЧТО, ЭТОТ>

(31) др.-инд. *yān eva hatvā na jīvivāśāmas, te 'vasthitāḥ pramukhe dhārtaraṣṭrāḥ* (Бхагавадгита) 'Ведь напротив [нас] выстроились члены рода Дхритараштры, убив которых мы не захотели бы жить', букв.: «Которых ведь убив не хотим-жить, те выстроились напротив Дхритараштровичи».

(32) лат. *Quem vix incolumi cuiquam salvoque daretis, is datus a vobis est mihi nuper honor* (Овидий) 'Мне оказано теперь вами уважение, какое вы едва ли оказали бы [даже] кому-нибудь незапятнанному и благополучному', букв.: «Которое едва-ли не-вредимому кому-нибудь и-целому вы-оказали-бы, то оказано вам было мне недавно уважение».

<ЧТО>

(33) лат. *...altera, quas oriens habuit, praelata puellis* (Овидий) 'Другая (Фисба) — лучшая из девушек Востока', букв.: «Другая, которых Восток имел, предпочтена девушкам».

Во всех этих примерах существительное, с которым анафорически связано местоимение «который», стоит справа от него.

Такая конструкция, как и конструкция (14)-(15), встречается крайне редко — только в текстах, написанных изощренным литературным языком. Она используется в качестве особой стилистической фигуры, эффект которой определяется именно тем, что здесь нарушается норма обычной речи. Так, например, у Овидия подобная конструкция выступает лишь как частное проявление известной синтаксической особенности его индивидуального поэтического стиля, состоящей в том, что определяемое существительное часто помещается правее всех его определений и всех отсылающих к нему местоимений.

СЕМИТСКИЙ ТИП

<M₁ подч., ОН>

(34) араб. *ḡā'a lfallāhu lladī 'a'rifuhu* 'Пришел крестьянин, которого я знаю', букв.: «Пришел крестьянин такой-что: я-знаю-его»; ср. также (3).

Примеры с безглагольным придаточным:

(35) араб. *ḡā'a lfallāhu lladī huwa ḡaniyyun* 'Пришел крестьянин, который был богат', букв.: «...такой-что: он богатый».

(36) араб. *ḡā'a lfallāhu lladī 'alayhi burdun* 'Пришел крестьянин, на котором был плащ', букв.: «...такой-что: на-нем плащ».

Пример, где местоимение «он» придаточного предложения «скрыто» в глагольной словоформе:

(37) араб. *ḡā'a lfallāhu lladī yaskunu fi lwādī* 'Пришел крестьянин, который живет в долине', букв.: «...такой-что: он-живет в долине».

Отличие от (3) и (34), где в буквальном переводе значения «их», «его» тоже присоединены к глагольной словоформе, в том, что показатель объекта в арабском языке — единая четко выделяющаяся морфема, та же, которая выступает после предлогов, и сходная с местоимением в независимом употреблении. Между тем показатели субъекта (например, *y-* в *yaskunu*) различны в разных частях глагольной парадигмы и вообще не всегда могут быть однозначно выделены.

<M₁ подч., эллипсис-2>

(38) араб. *ḡā'a lfallāhu lladī 'a'rifu* 'Пришел крестьянин, которого я знаю', букв.: «...такой-что: я-знаю». Отличие от (34) — в отсутствии конечного *-hu* «его». Эллипсис этого типа воз-

можен лишь там, где C_2 было прямым дополнением. Модель более редкая, чем (34).

Все виды конструкций с 'allaḏī ограничены в арабском языке случаем, когда C_1 определенное, т. е. имеет артикль ('a)l-. Если C_1 неопределенное, используется модель (1); см. также пояснения после примера (90).

По-видимому, в тот же тип, что арабское 'allaḏī, попадают рассмотренные Бенвенистом показатели относительности в языках эве и туника (см. указанную статью Бенвениста). Особенность здесь в том, что эти показатели состоят из двух частей, которые обрамляют придаточное относительное.

С формальной точки зрения, такую же структуру, как (38), имеют греческие сложные предложения с так называемой аттракцией. Под аттракцией в греческой грамматике понимается замена «тому, которого» ⇒ «которому», «теми, которых» ⇒ «которыми» и т. п. (где «который» получает падеж слова «тот»), например:

(39) *Sūn hoīs eikhe stratiōtais ēei prōs teikhos* 'С теми воинами, которых он имел, он пошел к крепостной стене', букв.: «С которыми имел воинами пошел к стене» (о порядке слов см. сноску 11).

Обычной для греческого языка здесь была бы структура *Sūn toūtois stratiōtais, hoīs eikhe, ēei prōs teikhos*, по образцу (10), или *Sūn toūtois, hoīs eikhe, stratiōtais ēei prōs teikhos*, по образцу (11). Аттракция встречается обычно при том же условии, что и арабские фразы типа (38), — если глубинное C_2 было прямым дополнением.

ПЕРЕХОДНЫЕ СЛУЧАИ,

ВОЗНИКАЮЩИЕ В УСЛОВИЯХ ЭЛЛИПСИСА

Некоторые случаи эллипсиса требуют особого разбора, поскольку получаемые структуры оказываются типологически двусмысленными.

Степень допустимости эллипсиса связана по крайней мере со следующим двумя факторами. Прежде всего, существенно то, какова синтаксическая функция подвергаемого эллипсису слова C : благоприятны для эллипсиса функции подлежащего и прямого дополнения¹⁷, все остальные — менее благоприятны. Для

¹⁷ Эллипсис подлежащего находится в несколько особом положении: в тех случаях, когда такой эллипсис является нормой, в описаниях обычно признается

языков, имеющих падежи, можно говорить просто о падеже слова C : C в именительном или винительном падеже подвергается эллипсису легче, чем в других падежах.

С другой стороны, для эллипсиса существенно следующее. В результате эллипсиса какого-либо из членов пары C_1 — C_2 в получаемом сложном предложении эта пара оказывается представленной каким-либо одним элементом. Для эллипсиса благоприятен тот случай, когда этот элемент имеет такое внешнее выражение, которое допускает как синтаксическую функцию (практически — падеж) глубинного C_1 , так и синтаксическую функцию (падеж) глубинного C_2 ¹⁸. Случай, когда это не так, для эллипсиса неблагоприятен.

Рассмотрим более подробно эллипсис C_2 в архаическом типе. Возьмем в качестве исходного образца следующее относительное предложение архаического типа (здесь и далее для демонстрации синтаксических структур используется русское просторечие): *Которых имел воинов, тех прислал*. Эта фраза имеет глубинную структуру, максимально благоприятную для эллипсиса: C_1 и C_2 стоят в одном и том же падеже, причем подходящем для эллипсиса (винительном).

Эллипсис C_2 означает здесь снятие слова «тот»: *Которых имел воинов, прислал*. В этой фразе в главном предложении (*прислал*) нет уже ни C_2 , ни M_2 , т. е. остаются только такие элементы, которые можно переносить по другую сторону придаточного без изменения типологической характеристики относительного предложения (см. § 4). Иначе говоря, здесь возможен вариант: *Прислал, которых имел воинов*. Эквивалентность подобных вариантов наглядно демонстрируется следующим примером, где одно из двух однородных придаточных стоит слева от главного, а другое — справа:

(40) лат. *Sed neque quas posset terris inducere nubes tunc habuit, nec caelo demitteret imbres* (Овидий) 'Но оно (верхнее небо) тогда не имело ни туч, которые он (Зевс) мог бы навести на землю, ни дождей, которые он пролил бы с неба', букв.: «Но ни которые мог-бы на-земли навести тучи тогда [не] имело, ни которые с-неба ниспослал-бы дожди».

не эллипсис, а наличие так называемого «скрытого» местоимения, ср. (37). Поэтому практически среди тех случаев, которые всегда трактуются именно как эллипсис, первое место по частоте занимает эллипсис прямого дополнения, ср. (23), (38), (39), (63)-(65), (68), (73).

¹⁸ Разумеется, простейший частный случай состоит здесь в том, что C_1 и C_2 стоят в одном и том же падеже; но достаточно и омонимии разных падежей.

Отсюда следует, однако, что фразу *Которых имел воинов, прислал* (= *Прислал, которых имел воинов*), равно как и пример (40), вообще говоря, можно рассматривать не только как относительные предложения архаического типа, полученные преобразованиями «М₁ подч.» и «эллипсис-2», но и как аномальные относительные предложения классического типа, полученные преобразованиями «эллипсис-1» и КАКОВОЙ, — иначе говоря, как отличающиеся от примеров (14), (15) только отсутствием слова «тот».

Далее, в данной фразе (в обоих ее вариантах) слово *воинов* может рассматриваться не только как дополнение к *имел*, но и как дополнение к *прислал*. В последнем случае запятые будут расставлены иначе: *Которых имел, воинов прислал* (= *Прислал, которых имел, воинов*). Изменится и типологическая характеристика фразы: это будет аномальная модель архаического типа (33), полученная преобразованием ЧТО; впрочем, она отличается от допустимой модели классического типа (11) только отсутствием слова «тот». Так же двусмысленны синтаксические связи, например, слов *имущество* и *утварь* во фразах: *Которое оставалось имущество растащили, Которая оставалась утварь растащили*, — хотя здесь этим словам при различных интерпретациях должны быть приписаны разные падежи.

Замечание. В подобных случаях слово, представляющее глубинные *C₁* и *C₂*, (*воинов, имущество, утварь*) оказывается, таким образом, как бы одновременно подчиненным двум разным глаголам. При этом в примерах типа последних двух такое слово (*имущество, утварь*) как бы одновременно выступает и в одном, и в другом из внешне совпадающих в нем падежей. Эффекты такого рода следует расценивать как важное свидетельство против слишком механического взгляда на сущность падежной омонимии.

Однозначность или неоднозначность синтаксических связей слова типа *воинов* отчасти зависит также от порядка слов. Здесь возможны следующие варианты (ради краткости мы уже более не отмечаем возможных перемещений слова *прислал*):

а) *Которых имел воинов прислал* (*воинов* может быть дополнением как к *имел*, так и к *прислал*);

б) *Которых воинов имел, прислал* (*воинов* однозначно относится к *имел*);

в) *Которых имел, прислал воинов* (*воинов* однозначно относится к *прислал*).

Случай «а» представлен, в частности, примером (40), «б» — примерами (23)-(25). Пример для случая «в»:

(41) лат. *Nec, quae praeteriit, umquam revocabitur unda* (Овидий) 'И никогда не возвратится волна, которая прошла', букв.: «Ни, которая прошла, когда-либо возвратится волна».

Возьмем теперь в качестве исходной фразы архаического типа такую, где глубинные *C₁* и *C₂* внешне различны, например: *которых имел воинов, те погибли*. В таких фразах, как уже отмечено выше, эллипсис затруднен. Случай «а» (с неоднозначной синтаксической связью оставшегося *C*) здесь невозможен. Пример случая «б»:

(42) лат. ... *incustoditae diripiuntur opes ... et quas divitias incola pauper habet* (Овидий) 'Подвергается разграблению неохраняемое имущество и те [жалкие] богатства, которые имеет бедный земледелец' (синтаксическая структура типа: *Погибли, которых воинов имел*).

Случай «в» (т. е. такой, где слова *C* переходит в главное предложение) требует здесь, в отличие от (41), изменения падежа у *C*. Здесь имеются две возможности:

в') *Которых имел, воины погибли* (или *Которых имел, погибли воины*). Таков пример (33).

в'') *Которые имел воины погибли* (или *Которые воины имел погибли*). Это не что иное, как аттракция; см. пример (39).

Таким образом, двусмысленные с типологической точки зрения структуры, создаваемые эллипсисом, составляют как бы переходные звенья между структурами разных типов.

ОТСУТСТВИЕ ПОДЧИНЕНИЯ

<ОН>

(43) *Убежал осел, мы его любили.*

<ЭТОТ>

(44) *Убежал осел, этого осла мы любили.*

<ОН, соч. союз>

(45) *Убежал осел, а мы его любили.*

<ЭТОТ, соч. союз>

(46) *Убежал осел, а мы этого осла любили.*

Фразы такой структуры — бессоюзные или сложносочиненные.

<эллипсис-2>

(47) *Есть речи — значение темно иль ничтожно.*

Фразы, построенные по этой модели, широко представлены в русском просторечии и в говорах, например: *А там живет старик, зовут Федотом.* Многочисленные примеры такого рода известны также из истории русского и других языков. Эта модель в общем случае дает бессоюзное предложение, которое воспринимается как эллиптическое; но в языках с фиксированным порядком слов она может быть использована для формирования сложноподчиненных предложений; см. примеры (91), (92) в § 8.

§ 7. ПРИМЕРЫ ОТНОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ БЕССУБСТАНТИВНОГО КЛАССА

Для относительных предложений бессоубстантивного класса обязательными являются преобразования, устраняющие C_1 (I.2 или I.3) и C_2 (II.2 или II.3). Следует учитывать, однако, что несмотря на внешнее сходство, замены существительных на субстантивные местоимения (т. е. преобразования I.2 и II.2) в основном и в бессоубстантивном классе по существу весьма различны. В основном классе заменяющее местоимение указывает на соответствующий объект путем отсылки к прямому его упоминанию в другом предложении (ср., например, *который* как замену слова *осел*), а в бессоубстантивном классе местоимение само включает в себя значение соответствующего имени (ср., например, *что* как замену слова *предмет*; *что* есть просто синоним сочетаний *какой предмет*, *каковой предмет*). Именно поэтому становится возможной основная особенность бессоубстантивного класса — устранение C в обоих предложениях.

Замечание. По этой причине не являются аномальными, в отличие от (31), (32), фразы основного класса вроде следующей (русский язык XVII века): *А кто не похочет в тягль быти, и тѣмъ людемъ лавки свои продать государевымъ тяглымъ людемъ* 'А кто не захочет быть в тягле, те должны продать свои лавки государевым тяглым людем'.

В бессоубстантивном классе выделяются те же три основных типа, но здесь внешние различия между типами менее значительны из-за отсутствия C_1 . В частности, фразы классического и архаического типа внешне различаются только порядком частей, ср., например, (48) и (53). Максимальная нейтрализация типов наступает здесь в случае эллипсиса (в связи с чем примеры бессоубстантивных предложений с эллипсисом даны ниже отдельно; см. пояснения при этих примерах).

Иным здесь оказывается также распределение структур разных типов по языкам. Наиболее заметную особенность составляет то, что в бессоубстантивном классе широко представлены предложения архаического типа: они возможны даже в таких языках, где в основном классе представлен только классический тип (например, в литературном русском) или только семитский (например, в арабском).

Относительные предложения бессоубстантивного класса смыкаются со сложноподчиненными других типов (с придаточными дополнительными, субъектными, обстоятельственными); это в особенности справедливо для предложений с эллипсисом. нас интересуют, однако, именно те аспекты относительных предложений бессоубстантивного класса, в которых проявляется их внутренняя связь с основным классом относительных предложений; особенности, которые дают основание выделить их в отдельные типы сложных предложений, здесь не рассматриваются.

БЕССУБСТАНТИВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ БЕЗ ЭЛЛИПСИСА

Классический тип

<ТО, КОТОРЫЙ>

(48) *Хорошо смеется тот, кто смеется последним.*

(49) *Скажите ему что-нибудь, что может его утешить.*

(50) лат. *Mercatores ea, quae ad effeminandos animos pertinent, important* 'Купцы привозят то, что способствует изнеживанию духа'.

(51) др.-инд. *Indrāya sa praṇamate, namate yo baliyase* 'Поклоняется Индре тот, кто поклоняется сильнейшему'.

(52) франц. *Prends ce qui te plaira.*

В 1-ом предложении могут выступать самые различные местоимения; например, возможны пары местоимений: *те, кто*;

некто, кто; кто-либо, кто; все, кто; всякий, кто; нечто, что; всё, что и т. д.

АРХАИЧЕСКИЙ ТИП

<ЧТО, ОН, инверсия подчинения>

(53) Кто ищет, тот найдет.

(54) Чему быть, тому не миновать.

(55) лат. *Cuius regio, eius religio* 'Чья страна, того и вера'.

(56) др.-инд. *yó dyām ástabhnāi, sā janāsa Indrah* 'Именно Индра, о люди, укрепил небо', букв.: «Кто небо укрепил, он, люди, — Индра».

(57) араб. *famā taf'alū min ḥayrin, ya'lamhu llāhu* 'А что вы сделаете хорошего, то пусть-знает бог'.

<ЧТО, ОН, соч. союз, инверсия подчинения>

(58) др.-рус. *а кто речеть судь, а тому судь* 'А кто потребует суда, тому [дать] суд'.

(59) др.-рус. *а что с нимъ погыбло, а того ему желѣти* 'А что с ним пропало, о том ему [остается лишь] сожалеть'.

(60) араб. *famani 'adā 'alaykum, fa'tadū 'alayhi* 'А кто нападает на вас, и вы на того нападайте', букв.: «А-кто нападает на вас, а-нападайте на-него».

СЕМИТСКИЙ ТИП

<ЧТО, ОН>

(61) араб. *gā'a lladāni 'allamtahumā* 'Пришли те двое, которых ты обучал', букв.: «Пришли два-такие-что: ты-обучал-их».

(62) араб. *lā yanṭiqu man ft famihi mā'un* 'Не может говорить тот, у кого во рту вода', букв.: «Не говорит» + *man* («кто», но в данной конструкции «тот, что») + «во рту-его вода».

БЕССУБСТАНТИВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ЭЛЛИПСИСОМ

Нормальным здесь является случай, когда субстантивное местоимение, представляющее в поверхностной структуре глубинные C_1 и C_2 , допускает как синтаксическую функцию (падеж) глубинного C_1 , так и синтаксическую функцию (падеж)

глубинного C_2 ; ср. выше, § 6. Примеры, где это не так, ниже отмечены особо.

В отличие от других групп относительных предложений, для данной группы распределение по типам носит в значительной степени условный характер: большинство фраз, вообще говоря, можно было бы получить из глубинной структуры и другими наборами преобразований; см. об этом ниже.

КЛАССИЧЕСКИЙ ТИП

<ЭЛЛИПСИС-1, КОТОРЫЙ>

(63) *Бери, что понравится.*

(64) лат. *Age, quod agis* 'Делай то, что делаешь'.

(65) франц. *Tu peux inviter qui tu voudras.*

(66) англ. *Think about what you are doing.*

За пределами нормального случая эллипсис в классическом типе, как правило, дает нелитературные фразы, например: *Я сделал, о чем вы просили.*

АРХАИЧЕСКИЙ ТИП

<ЧТО, ЭЛЛИПСИС-2, инверсия подчинения>

(67) *Что понравится, бери.*

(68) лат. *Quos vult perdere, dementat* 'Кого хочет погубить, лишает разума'.

(69) франц. *Qui vivra verra.*

(70) англ. *Whoever does it will be punished.*

Эллипсис за пределами нормального случая в архаическом типе несколько более приемлем, чем в классическом, ср.: *О чем вы просили, я сделал.* Ср. также литературный пример:

(71) лат. *Dumque rogat, pro qua rogat, occidit* (Овидий) 'Но пока она (Ниоба) просит, [та,] за которую просит, погибает'.

СЕМИТСКИЙ ТИП

<ЧТО, ЭЛЛИПСИС-2>

(72) араб. *'amara bimā qālat* 'Он приказал [сделать] то, что она сказала', букв.: «Он-распорядился о (bi-)» + *mā* [«что», но в данной конструкции «то, что», ср. (62)] + «она-сказала».

Пример эллипсиса за пределами нормального случая в семитском типе составляет аттракция [ср. (39)]:

(73) греч. *Sùn hoîs eîkhen éei pròs teîkhos* 'С теми, кого имел, пошел к крепостной стене', букв.: «С которыми имел пошел к стене»¹⁹.

В приведенных здесь примерах (кроме тех, где эллипсис выступает за пределами нормального случая) в действительности происходит нейтрализация всех трех основных типов относительного предложения. В самом деле, разница, например, между (63) и (67) сводится в переносу слова *beri*, который для типологической характеристики относительного предложения несуществен. С другой стороны, разница, например, между (66) и (72) теоретически должна состоять в том, что *what* входит в придаточное предложение (т. е. подчинено слову *doing*), а *mā* — в главное (т. е. подчинено предлогу *bi-*). Однако, как уже отмечено в § 6, в действительности в подобных фразах у слова, представляющего глубинные C_1 и C_2 (здесь *what*, *mā*), синтаксическая связь устанавливается неоднозначно: такое слово как бы одновременно подчинено двум разным словам (соответственно из главного и из придаточного предложений). Это значит, что интерпретация (66) как структуры классического типа, а (72) — как структуры семитского типа основана в сущности не на анализе самих этих фраз, а лишь на том, какой тип вообще является характерным для соответствующего языка.

§ 8. ЗАМЕЧАНИЯ О СЛОЖНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ С ПРИДАТОЧНЫМ ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫМ, НЕ СОДЕРЖАЩИМ СОЮЗНОГО СЛОВА

В настоящей статье мы не имеем возможности рассмотреть этот класс сложноподчиненных предложений достаточно подробно и ограничимся лишь некоторыми наблюдениями.

В сложноподчиненных предложениях этого класса C , входящее в главное предложение, всегда сохраняется, а C , входящее в придаточное, всегда устраняется²⁰. Таким образом, синтакси-

¹⁹ Ср. пример аттракции в русском: *...хозяин дома, лишившийся употребления ног на службе верою и правдою и награжденный за то всем, чем выше упомянуто было* (Достоевский, «Двойник»).

²⁰ Это правило само по себе представляется довольно естественным: любые сокращения в подчиненном члене с синтаксической точки зрения проще, чем в подчиняющем (поскольку они требуют меньшей перестройки синтаксической структуры). Но, с другой стороны, оно расходится с правилом о сохранении C_1 и устранении C_2 , которое действует в относительных предложениях. Это расхо-

ческая связь устанавливается между элементом C главного предложения и всем придаточным предложением. Для установления этой связи могут служить (помимо интонации и других просодических явлений) следующие средства:

- 1) неизменяемое служебное слово (союз или частица);
- 2) постановка какого-либо члена придаточного или главного предложения в особую грамматическую форму;
- 3) порядок слов (это средство обычно выступает как сопутствующее, но при отсутствии обоих средств может оказаться и единственным показателем подчинения).

Устранение C в придаточном предложении создает две возможности: а) либо это C заменяется синтаксически нейтральным²¹ субстантивным местоимением (типа «он»); б) либо C устраняется без какой-либо замены. В предложениях рассматриваемого класса операция «б» часто приобретает особое значение: отсутствие C представляет собой уже не эллипсис, как в относительных предложениях, а необходимый признак правильной подчинительной структуры. В относительных предложениях можно восстановить такую эллиптическую структуру до полной; в значительной части определительных предложений данного класса соответствующее место не может быть заполнено без разрушения подчинительной структуры; таким образом, «незаполненная валентность» у сказуемого (или другого члена) придаточного предложения является здесь одним из средств, обеспечивающих подчинение; ср. примеры (86), (87), (91), (92).

В некоторых сложных предложениях данного класса при C главного предложения может выступать синтаксически нейтральное адекватное местоимением (типа «тот») — как в относительных предложениях классического типа.

В отличие от придаточных относительных, определительные придаточные других классов обычно не имеют специфической, свойственной только им, структуры. Как правило, они совпадают по структуре либо с придаточными других типов, либо с простыми определениями, выраженными именем.

ждение хорошо согласуется, однако, с высказанным выше (§ 5) предположением о том, что данная особенность относительных предложений вытекает из общих свойств местоимений. В самом деле, рассмотренные здесь сложные предложения отличаются от относительных как раз тем, что подчинение обеспечивается в них не местоимениями, а другими средствами; поэтому нет оснований ожидать, что здесь будут соблюдаться закономерности, вытекающие из свойств местоимений.

²¹ Если C заменяется подчинительным местоимением, то получается обычное относительное предложение.

**ПОДЧИНЕНИЕ, ВЫРАЖЕННОЕ
НЕИЗМЕНЯЕМЫМ СЛУЖЕБНЫМ СЛОВОМ**

Если определительное придаточное вводится с помощью неизменяемого служебного слова (союза или частицы), то это слово — как правило, то же, которое вводит так называемое придаточное изъяснительное (например, *Я знаю, что он болен*); довольно часто такое слово способно вводить и многие другие виды придаточных, т. е. выступает как своего рода универсальный показатель подчинения. Примером такого многофункционального показателя может служить таджикское *ки* (переданное ниже в буквальном переводе как «что»).

(74) тадж. *Китобе, ки онро ман хондам, хуб аст* 'Книга, которую я прочел, хороша', букв.: «Книга, что ее я прочел, хорошая есть». Здесь *С* придаточного предложения (т. е. *С*₂) заменено синтаксически нейтральным местоимением *онро*. Возможен также вариант (с тем же значением), где *С*₂ просто отсутствует:

(75) *Китобе, ки ман хондам, хуб аст.*

Заметим, что русские фразы типа *Он высказал мнение, что нужна операция, Этот материал обладает тем свойством, что его не нужно гладить* не аналогичны таджикским: здесь придаточное имеет изъяснительный, а не определительный характер. На фразу (75) очень похожи по структуре фразы (7)-(9); иная типологическая трактовка фраз (7)-(9) определяется прежде всего тем, что в русском языке невозможна модель (74), т. е. фразы типа **Вот домá, что их недавно построили*; см. также пояснения после примера 9. Трактовка *что* как союза, по-видимому, возможна только в таких неправильных с точки зрения литературного русского языка фразах, как *Где эта улица, где этот дом, где эта девушка, что я влюблен?*

Среди многофункциональных показателей типа тадж. *ки* выделяются показатели, у которых функция введения придаточных определительных выступает как основная, а прочие функции — как второстепенные. Таково, например, др.-евр. 'ášer:

(76) др.-евр. 'ášaḥēθ kol-bāšār 'ášer bō gūaḥ ḥauuīm 'Истреблю всякую плоть, в которой есть дух жизни', букв.: «Истреблю всякую-плоть» + 'ášer + «в-ней дух жизни». Здесь *С*₂ заменено синтаксически нейтральным местоимением *-ō* (*b-ō* «в-ней»).

(77) др.-евр. wauyāšem šām 'eθ-hā'ādām 'ášer yāšār 'И он поместил там человека, которого создал', букв.: «И-он-поместил

там человека» + 'ášer + «он создал». Здесь *С*₂ просто отсутствует.

Показатель 'ášer может вводить придаточные изъяснительные, обстоятельственные и др., но чаще для этого употребляются другие служебные слова (например, *kī* «что» и др.); таким образом, специфическая (и самая частая) функция 'ášer состоит именно во введении придаточных определительных. В этой своей функции 'ášer вполне сходно с араб. 'alladī, с тем отличием, однако, что 'ášer неизменяемо: ср., например, (76) и (36), (77) и (38). Типологическое сходство 'ášer с 'alladī и другими подчинительными местоимениями семитского типа особенно ясно выступает в бессубstantивном типе, где 'ášer ведет себя как местоимение (причем являющееся членом главного предложения). Примеры:

(78) др.-евр. *kī mī uḥal ləθaqqēn 'eθ 'ášer 'iwwəθθ* 'Ибо кто может выпрямить то, что он искривил', букв.: «Ибо кто может выпрямить» + 'eθ (предлог, вводящий прямое дополнение) + 'ášer + «он-искривил-его». Ср. (61), (62).

(79) др.-евр. *wauyōmer la 'ášer 'al-bēθθ* 'И он сказал тому, кто был над домом его (т. е. своему домоправителю)', букв.: «И-он-сказал» + *la* (= англ. *to*) + 'ášer + «над-домом-его». Ср. (72).

Таким образом, сложные предложения со специальным неизменяемым показателем определительной связи типа 'ášer образуют как бы переходную группу между относительными предложениями (семитского типа) и предложениями с универсальным подчинительным союзом типа тадж. *ки*; соответственно, сам такой показатель представляет собой промежуточное явление между союзным словом и союзом.

В некоторых языках показатель типа 'ášer стоит не между главным и придаточным предложениями, а в конце придаточного предложения; по-видимому, таковы показатели определительной связи, например, в шумерском и в навахо; см. [1].

Подчинительный союз, используемый для введения определительных предложений, может вступать во взаимодействие с синтаксически нейтральными местоимениями главного или придаточного предложения. В качестве примера здесь можно взять древнеисландский язык. В этом языке придаточные определительные вводятся многофункциональным подчинительным союзом *er* (в наиболее древних текстах *es*) — обычно по модели (75), реже (74). Пример:

(80) др.-исл. *Egill átti son, er Gunnarr hét* 'У Эгиля был сын, которого звали Гуннар', букв.: «Эгиль имел сына, что Гуннар звался».

Элемент *C* главного предложения может сопровождаться здесь указательным местоимением *sá* «тот». Это местоимение может ставиться перед *C*, но чаще всего оно стоит перед *er* (*es*), например:

(81) др.-исл. *á ísi vatns, þess er Váenir heitir* 'на льду озера, которое называется Венерн', букв.: «на льду озера того (*þess*, родит. падеж) что Венерн называется».

(82) др.-исл. *konung, þann er undir honum eru skattkonungar* 'короля, которому подчинены короли-данники», букв.: «короля того (*þann*, винит. падеж) что под ним есть короли-данники».

В таких случаях формы местоимения *sá* с ритмико-интонационной точки зрения примыкают к *er*, а не к предшествовавшему существительному (ср. постановку запятой); сочетание *sá es* даже сливается в *sás*. Очевидно, что если бы такое сращение осуществилось полностью, получилось бы союзное слово, в точности эквивалентное арабскому 'allaḏī, т. е. сложное предложение было бы относительным предложением семитского типа. Таким образом, данная древнеисландская конструкция позволяет проследить один из возможных путей развития относительных предложений из предложений с подчинительным союзом.

Возможен и другой вариант подобного развития: объединение подчинительного союза (или частицы) с синтаксически нейтральным местоимением, входящим в придаточное, а не в главное предложение. Такое объединение произошло, например, в готском: местоимение *sa* 'тот, он' (ср. др.-исл. *sá*), заменяющее *C* придаточного предложения, объединилось с подчинительным союзом *ei* 'что, чтобы' (который в этом случае стоит не в начале придаточного, а после *sa*). Пример:

(83) гот. *wodan θana saei habaida laigaion* 'бесновавшегося который имел легион [бесов]', букв.: «бесновавшегося того что он (*sa* «он», *ei* «что») имел легион».

Понятно, что в результате такого слияния получается союзное слово типа *который* (именно так и переводят готское *saei*), а само сложное предложение превращается в относительное предложение классического типа. Сходное развитие можно предполагать для старославянского *иже* «который», состоящего из указательного *и и частицы *же* (с тем отличием, однако, что

же представляет собой не подчинительный, а противительный элемент).

Во многих языках, для которых конструкция (83) нехарактерна, она все же возможна в том частном случае, когда при *C* главного предложения стоит местоимение со значением «такой». Ср., например, в русском:

(84) *Это такой человек, что с ним можно говорить откровенно.*

Эта особенность слова *такой* объясняется тем, что оно равнозначно сочетанию *имеющий то свойство*, а слово *свойство* допускает придаточное изъяснительное (ср. выше). Таким образом, в сущности, мы имеем здесь дело не с придаточным определительным к слову *человек*, а с придаточным изъяснительным к слову *такой*. В математическом языке имеется, однако, тенденция превратить сочетание *такой что* в аналог арабского 'allaḏī и вводить с его помощью собственно определительные придаточные, например:

(85) *Построим треугольник, такой что радиус вписанной в него окружности равен а* (обратить внимание на место слова *такой* и на постановку запятой).

ПОДЧИНЕНИЕ, ВЫРАЖЕННОЕ ОСОБЫМИ ГРАММАТИЧЕСКИМИ ФОРМАМИ

Особые грамматические формы, служащие для синтаксического оформления придаточного определительного, практически возможны, по-видимому, только у сказуемого придаточного предложения и (реже) у элемента *C* главного предложения. Так, сказуемое придаточного предложения в ряде языков ставится в особом склонении. Сходный по существу прием используется при построении определительной конструкции в тюркских языках: глагол ставится здесь в форме так называемого причастия, различающей времена, но не различающей лиц и залогов (ниже эта форма в буквальном переводе условно передана деепричастием). Заметим, что сама эта определительная конструкция обычно не рассматривается в грамматиках тюркских языков как придаточное предложение (из-за ее прямого сходства с простым определением). Примеры:

(86) татар. *сез очраткан кеше* 'человек, которого вы встретили', букв.: «вы встретивши человек»;

(87) татар. *сезне очраткан кеше* 'человек, который вас встретил', букв.: «вас встретивши человек».

Существенным элементом структуры здесь является «незаполненная валентность»: в *сез очраткан* не хватает прямого дополнения, в *сезне очраткан* — подлежащего; отсюда явствует, какую роль должно играть при глаголе «встретить» слово «человек».

В аккадском языке наряду с относительными предложениями (семитского типа) возможны также сложные предложения с придаточным определительным, в которых средством подчинения служит постройка элемента *S* главного предложения в так называемый *status constructus*, т. е. в ту форму, которую в семитских языках принимает подчиняющийся член сочетаний типа «дом отца».

(88) аккад. *bīt 'rūšu 'imqut-ma* 'Дом, который он построил, рухнул', букв.: «Дом (*bīt* — *status constructus* от *bītum*, ср. *bīt 'abīja* 'дом моего отца') он-построил он-рухнул».

Заметим, что эта аккадская модель в сущности близка к арабским, например, к (38); *S*₁ в *status constructus* функционально эквивалентно сочетанию *S*₁+*'allaḏī*: и то, и другое показывает, что последующая синтаксическая единица определяет *S*₁, а без такого определения ни то, ни другое существовать не может. Различие здесь в основном в технике внешнего выражения: *'allaḏī* прибавляется к *S*₁, а *status constructus* есть в сущности результат вычитания из *S*₁ некоторой морфемы.

Подчинение, выраженное порядком слов

В ряде языков личная форма глагола, поставленная не на то место, которое закреплено за сказуемым, а на то, где нормально стоит определяющее имя (например, прилагательное), получает функцию определения, например: араб. *fallāḥun yaṇāmu* 'спящий крестьянин' (подобно *fallāḥun yaṇāmu* 'богатый крестьянин'), ср. предикативную синтагму *yaṇāmu fallāḥun* 'крестьянин спит'; см. также пример (1) в § 2. То же (но с противоположным порядком слов) в японском: *хон-о ёму хито* 'читающий (ёму) книгу (хон-о) человек (хито)', ср. *хито-ва хон-о ёму* 'человек читает книгу'.

В тех случаях, когда глагольная форма способна функционировать как самостоятельное предложение, комплекс данного типа может оказаться внешне неотличимым от последователь-

ности двух самостоятельных предложений; таков пример (1). Ср. также:

(89) араб. *ḥadā kitābun 'anzalnāhu* 'Это книга, которую мы ниспослали' или 'Это книга. Мы ее ниспослали'. Здесь синтаксическая роль, которую должно играть слово «книга» при *'anzalnā* «мы-ниспослали», показана синтаксически нейтральным местоимением *-hu*;

(90) др.-евр. *wəzārah haššāmeš ūbā haššāmeš wə'el maqōmō šō'ēf zōgāh hū šām* 'И восходит солнце, и заходит солнце, и к месту своему спешит, где оно восходит', букв.: «...и-к месту-своему спешит, восходит оно там». Здесь в аналогичной функции выступает *šām* «там».

В арабском языке определения, выраженные личными формами глагола, аналогичны обычным определениям даже в том, что они отражают определенность или неопределенность соответствующего существительного: примеры (1) и (89) аналогичны сочетанию *fallāḥun yaṇāmuun 'a rich peasant*, а пример (37) и прочие с *'allaḏī* — сочетанию *'alfallāhu yaṇāmuun 'the rich peasant*'.

Другой вариант подчинения, достигаемого порядком слов, представлен, например, в английском:

(91) англ. *Here is the boy you met*;

(92) англ. *Here is the boy you spoke about*.

Здесь существенным моментом является «незаполненная валентность» в придаточном: *you met* и *you spoke about* не могут пониматься как независимые простые предложения, поскольку в них не хватает дополнения.

§ 9. ФУНКЦИИ МЕСТОИМЕНИЙ В ОТНОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ

Проведенный анализ позволяет выделить ряд стандартных функций, выполняемых местоимениями в структуре относительного предложения. Для двух языков, строящих такие предложения по одинаковой модели, эти функции с той степенью огрубления, которая, по-видимому, допустима в типологии, можно считать одинаковыми. Например, *который* в *Вот книга, которую я принес* и лат. *qui* в *Ecce liber, quem attuli* выполняют с типологической точки зрения одну и ту же функцию, а именно функцию субстантивного подчинительного *M*₂ в структуре классического типа.

Таблица подчинительных функций²²

	в классическом типе	в архаическом типе	в семитском типе
основной класс	$M_2(a)$ (редкая функция) $M_2(c)$	$M_1(a)$ —	$M_1(a)$ —
бессубстантивный класс	$M_2(c')$	$M_1(c')$	$M_1(c')$

Приведем примеры местоимений, выполняющих подчинительные функции, из нескольких языков (перечни местоимений, разумеется, не претендуют на полноту). В число примеров включены также некоторые словосочетания, эквивалентные подчинительным местоимениям.

Классический тип

	$M_2(a)$ (редко)	$M_2(c)$	$M_2(c')$
русский	каковой	который, каковой, что	кто, что
латынь	qui (сред. quod)	qui (сред. quod)	quis, quid (или quod)
греческий	hós	hós	hós, hó
готский	—	saei	saei, þatei
старославянский	уже	уже	уже, еже
древнеперсидский	—	hya	hya, tya
французский	lequel	qui, que, lequel	qui, que
английский	which	who, which, that	who, what
немецкий	welcher	der, welcher	der, was
венгерский	—	amely, aki, ami	aki, ami

²² Обозначения в скобках: *a* — адъективное, *c* и *c'* — субстантивное (*c* в основном классе относительных предложений, *c'* — в бессубстантивном).

Архаический тип

	$M_1(a)$	$M_2(c')$
русское просторечие	который	кто, что
древнерусский хеттский	что, которые; кьто (редко)	кьто, что
древнеиндийский	kuiš	kuiš, kuit
хиндустан	yas	yas, yad
	jo	jo

Семитский тип

	$M_1(a)$	$M_2(c')$
арабский	'alladī	man, mā, 'alladī
аккадский	šu (ša)	mannum, mīnum, šu (ša)
древнеисландский (см. § 8)	sá er	sá er, þat er
русские математические тексты (см. § 8)	такой что	—

Языки, допускающие два или три типа относительных предложений, указаны в том типе, который у них преобладает. Во всех таких языках сами местоимения, используемые в относительных предложениях (как подчинительные, так и синтаксически нейтральные), при переходе от одного типа к другому не меняются. Например, в греческом $M_1(a)$ архаического и семитского типов — hós.

Привлекает внимание представленное во многих языках различие между местоимениями, выполняющими функции $M(c)$ и $M(c')$ в классическом типе. Это различие, например, между *Пришли гости, которых я ждал* и *Пришли те, кого я ждал*. **Пришли гости, кого я ждал* вообще невозможно; *Пришли те, которых я ждал* в принципе возможно, но лишь в качестве фразы с опущенным существительным (которое восстанавливается из предшествующего текста или из ситуации); ср. еще *Возьми то, которое я принес* (подразумевается, например: *ведро*) и *Возьми то, что я принес*. Впрочем, правила выбора между местоимениями типа *кто, что* и типа *который* не в точности одинаковы в разных языках; ср., например, (64), где выступает *quod* («которое»), а не *quid* («что»).

Таблица нейтральных функций

	в классическом типе	в архаическом типе	в семитском типе
основной класс	$M_1(a)$ —	$M_2(a)$ (редкая функция) $M_2(c)$	$M_2(a)$ (редкая функция) $M_2(c)$
бессубстантивный класс	$M_1(c')$	$M_2(c')$	$M_2(c')$

Ограничимся лишь основными примерами. Функции $M_1(a)$ и $M_1(c')$ в классическом типе: русск. *тот* (*to*); лат. *is* (*id*), *ille* (*illud*) и др.; др.-инд. *sa* (*tad*); ст.-слав. *тъ* (*to*). Функции $M_2(c, c')$ в архаическом типе: др.-рус. *тъ*, *то*; др.-инд. *sa*, *tad*. Функции $M_2(c, c')$ в семитском типе: араб. *huwa*.

Рассмотрим теперь, как совмещаются выделенные выше функции с другими возможными функциями местоимений. Для подчинительных местоимений, как показал Бенвенист, обычной сопутствующей функцией является функция присоединения простого определения (т. е. роль «связующего артикля»), например, в др.-перс. *Gaumāta hua maguš* 'Гаумата-маг' и т. п.; ср. также приведенные выше примеры безглагольных придаточных: (8), (20), (22), (27), (29). Эта функция, однако, очень близка к рассматриваемой нами подчинительной функции, поскольку в обоих случаях речь идет об определительных конструкциях. Следует рассмотреть также более отдаленные функции, не связанные с определительными конструкциями. С этой точки зрения можно разделить подчинительные местоимения на следующие группы.

Прежде всего, многие из таких местоимений совмещают подчинительную функцию с вопросительной. Таковы, например, все подчинительные местоимения в русском, древнерусском, латыни, хеттском, французском; сюда же относятся все английские подчинительные местоимения, кроме *that*, все немецкие, кроме *der*, арабские *man*, *tā* и многие другие. Таким образом, этот вид соединения функций встречается при всех трех основных типах относительных предложений. Как правило, такие местоимения способны (по крайней мере, в некоторых контекстах, например, в условных предложениях, при косвенных

модальностях и т. п.) выступать также в роли неопределенных; ср. русск. *Как бы чего не вышло, А если кто спросит...* и т. п.

Другая часть местоимений совмещает подчинительную функцию с указательной. Таковы, например, нем. *der*, англ. *that*. У Гомера местоимения с основами *ho-* и *to-* не распределены по функциям: и те, и другие могут выступать как в относительной, так и в указательной функции.

Наконец, имеются подчинительные местоимения, у которых нет (с синхронической точки зрения) никаких параллельных функций за пределами определительных конструкций. Из простых (по морфологической структуре) местоимений в эту группу попадают лишь очень немногие, например, др.-инд. *uas*, греч. *hōs* (в классическом языке). Большинство местоимений этой группы — с морфологической точки зрения составные. Часто встречается комбинация «указательное местоимение (или артикль) + вопросительное местоимение», например: итал. *il quale*, франц. *lequel*, венг. *aki, ami* и т. д. (ср. *ki* 'кто?', *mi* 'что?' и *a, az* — определенный артикль); ср. также др.-инд. сочетания *sa uas*, *asau uas*, выступающие как усиленные формы *uas*. Другая частая комбинация — «указательное местоимение + частица или союз», например: гот. *saei*, др.-исл. *sá er*, ст.-слав. *иже* и т. д. (ср. выше, § 8).

Что касается местоимений, выступающих в относительных предложениях в нейтральных функциях, то они, как правило, имеют также дейктическую функцию. При этом для классического и архаического типов характерно использование указательных местоимений, для семитского типа — личных.

Отмеченные здесь совмещения функций носят синхронический характер. Однако для типологии, вопреки тому, что может показаться на первый взгляд, представляют интерес и некоторые элементы диахронического анализа; ср., например, проведенный Бенвенистом (в указанной статье) анализ функций *qui* в древнелатинском. Как известно, синхронический анализ нелегко полностью отграничить от диахронического (в особенности от внутренней реконструкции); наличие же у некоторого элемента в прошлом иной функции, как правило, отражается в синхронии в виде реликтовых побочных функций.

С помощью подобного диахронического анализа нередко удается выявить совмещения функций, типологически закономерные, но не обнаруженные при первоначальном синхроническом исследовании.

В частности, в отношении подчинительных местоимений таковой анализ показывает, что они практически всегда связаны по функции с указательными или вопросительно-неопределенными местоимениями. Так, арабское 'allaḍī с исторической точки зрения составлено из двух указательных элементов. Как показал Бенвенист, не является первоначальным также относительное значение др.-инд. uas (греч. hós). Др.-перс. huа 'который' исторически тождественно др.-инд. сочетанию sa uas (см. выше).

Учет более простых (и поэтому, по всей вероятности, первичных) функций подчинительных местоимений позволяет охарактеризовать основные типы относительных предложений следующим образом.

В архаическом типе в подчинительной функции обычно используется вопросительно-неопределенное местоимение (вопрос о первоначальном значении индоиранского uas остается не вполне ясным). В качестве синтаксически нейтральных используется указательные или (реже) личные местоимения. Соответственно, предположительная первоначальная схема выглядит здесь примерно так: *А какой-нибудь человек провинился. А тот (он) должен быть наказан* (ср. уже отмеченную близость архаического типа к условным предложениям и его совместимость с сочинительными союзами).

В семитском типе в подчинительной функции выступает элемент с первоначальным указательным значением²³. В качестве синтаксически нейтральных используются личные местоимения. Предположительная первоначальная схема здесь такова: *Поймали того (или the) человека. Он украл корову.*

Классический тип, по-видимому, с исторической точки зрения неоднороден. В тех случаях, где в подчинительной функции использовано вопросительно-неопределенное местоимение (например, в латыни, в русском), классический тип обычно является результатом трансформации имевшегося ранее архаического типа. Там, где в подчинительной функции использовано указательное местоимение (например, нем. *der*), классический тип, по-видимому, сложился самостоятельно. Предположительная первоначальная схема здесь такова: *Поймали человека (определенность или неопределенность не фиксирована). Тот украл корову.*

²³ Бессубстантивные структуры типа (62), содержащие вопросительное местоимение, по-видимому, вторичны, а именно, они возникли из архаических структур типа (57).

Предложенные схемы относятся к случаю, когда первоначальная структура не имела подчинительного союза (частицы); о путях формирования относительных предложений из предложений с подчинительным союзом см. выше, § 8.

В заключение заметим следующее. Как убедительно показал (в указанной статье) Бенвенист, относительное предложение синтаксически эквивалентно прилагательному: «относительное предложение, каким бы способом оно ни прикреплялось к антецеденту (при помощи местоимения, частицы и т. д.), ведет себя как определенное «синтаксическое прилагательное», а относительное местоимение играет роль определительного «синтаксического артикля»» ([1, с. 53-54]). Не вполне очевидно, однако, должна ли эта эквивалентность истолковываться в том смысле, что относительное предложение есть результат «синтаксического усложнения» прилагательного. Трактовка прилагательного как единицы более простой, чем предикативная синтагма (которую представляет собой относительное предложение), очень естественна для таких языков, как латынь или западноевропейские, где прилагательное (или, точнее, «имя качества») в функции определения просто присоединяется к определяемому слову (*la neige blanche*), а в функции сказуемого требует связки, т. е. выступает в более сложной конструкции (*la neige est blanche*). Однако в очень многих языках мира представлено другое соотношение по сложности между предикативной и атрибутивной синтагмами с «именем качества». Можно выделить по крайней мере следующие основные случаи: а) эти синтагмы грамматически не различаются, например, др.-инд. *Nalo balī* 'Наль могуч' и 'могучий Наль'; б) эти синтагмы строятся разными грамматическими средствами примерно одинаковой сложности, например, тадж. *саг-и бад* 'злая (бад) собака (саг)' (-и — показатель атрибутивной связи), *саг бад аст* 'собака зла' (*аст* — глагол-связка); сюда же относятся случаи, когда данные синтагмы различаются только порядком слов; в) атрибутивная синтагма сложнее, чем предикативная, а именно, состоит из большего числа слов или требует более сложной морфологической формы «имени качества»; таково положение в многочисленных языках, где «имя качества» грамматически сближено с глаголом (а не с существительным) и где, например, 'хромой человек' можно передать лишь как что-то вроде «хромающий человек», или «человек, что хромает»; сюда же можно отнести (хотя и с некоторыми оговорками) русское противопоставление *Снег бел — белый снег, Собака зла — злая собака* (где словоформы *бел-ый, зла-я* морфологически сложнее, чем *бел, зла*).

Прилагательное-определение предстает как единица более сложная, чем предикат, также если стать на точку зрения логико-семантического анализа. Как известно, в логических языках нет самостоятельного эквивалента для прилагательных (см. [7, с. 251]): с логической точки зрения прилагательное представляет собой не что иное, как результат своего рода свертывания отдельной предикативной единицы (а именно, такой, где соответствующий смысл выступает как предикат). Очевидно, что на лингвистическом уровне такому анализу соответствовало бы представление прилагательного как результата свертывания исходного придаточного относительного²⁴.

Примечательно, что в некоторых индоевропейских языках специальные атрибутивные формы прилагательных развились именно по этой схеме. В частности, русские атрибутивные формы (*белый, белая, белое* и т. п.), как известно, исторически восходят к оборотам той же структуры (только с другим порядком элементов), что, например, др.-перс. *kāra hua hamīciya* 'мятежная армия', букв.: «армия которая (или the) мятежная». Непосредственным источником балто-славянских форм был поздний вариант этого оборота — с согласованием в падеже (ср. *kāram tuam hamīciyam* 'мятежную армию', где все три слова в винительном падеже); но на более раннем этапе такого согласования не было (ср. др.-инд. *Somam bhuvanasya yas patih* 'Сому, владыку мира', букв.: «Сому, мира который владыка»), т. е. этот оборот представлял собой не что иное, как придаточное относительное с именным сказуемым. Из этого же источника возникли и иранские определительные конструкции типа тадж. *sağ-i bad*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Benveniste E. La phrase relative, problème de syntaxe générale // Bulletin de la Société de linguistique de Paris, v. 53, f. 1, 1957—1958 (русский перевод в кн.: Э. Бенвенист. Общая лингвистика. М., 1974).
2. Гранде Б. М. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. М., 1963, §§ 184, 290.
3. Падучева Е. В. Классификация сложных предложений в связи с построением правил образования для стандартизованного русского

²⁴ Ср. представление в порождающей грамматике сочетания существительного с прилагательным, например, *a wise man*, как имеющего глубинную структуру, в которой оно разлагается на субъект *man* и предикат *be wise*; см., в частности, [8, с. 25]. О том, что язык без прилагательных ближе по своей структуре к логическим, см. [5, с. 203].

языка // Доклады на конференции по обработке информации, машинному переводу и автоматическому чтению текста. М., 1961.

4. Иванов В. В. Хеттский язык. М., 1963.
5. Жолковский А. К. Синтаксис сомали. М., 1971.
6. Quine W. O. Word and object. Cambridge, Mass., 1960.
7. Reichenbach H. Elements of symbolic logic. N. Y., 1948.
8. Chomsky N. Language and Mind. N. Y., 1968.

Впервые опубликовано в: *СпИ*, № 6, 1975 г., с. 51-101.